

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ

(К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)*

В. И. БОВЫКИН, И. Ф. ГИНДИН, К. Н. ТАРНОВСКИЙ

Вопрос о материальной подготовленности социализма в России имеет важное значение в изучении предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

«Империалистическая война есть канун социалистической революции», — подчеркивал В. И. Ленин¹. При этом он исходил не только из факта ускорения и невиданного обострения классовой борьбы пролетариата против буржуазии в годы империалистической войны², но также и из того, что современное капиталистическое общество, «по крайней мере в передовых странах»³, вполне созрело для проведения социалистических преобразований в области экономики. «Никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»⁴, — указывал В. И. Ленин и под этим углом зрения в тесной связи с судьбами зреющей пролетарской революции проанализировал экономическое развитие основных империалистических держав, в том числе и России, в годы первой мировой войны. Главным, качественным изменением в структуре империализма военных лет было то, что монополистический капитализм «сделал за время войны изрядный шаг *вперед* не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в *государственный капитализм*»⁵. А «государственно-монополистический капитализм, — писал В. И. Ленин, — есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»⁶. Этот вывод В. И. Ленина находится в тесной связи с его положением об обострении классовой борьбы пролетариата с буржуазией в годы первой мировой войны. В. И. Ленин не раз указывал, что только «в обстановке революции, при революции государственно-монополистический капитализм *непосредственно* переходит в социализм»⁷, что «близость» такого капитализма к социализму должна быть для действительных представителей

* Статья является переработанным текстом доклада, обсуждавшегося на заседании научного Совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» при Институте истории АН СССР (информацию об обсуждении см. на стр. 231—235). Редакция отмечает, что отдельные поднятые авторами вопросы требуют дальнейшего изучения и обсуждения.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 333.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 293.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 202.

⁴ Там же, т. 25, стр. 333.

⁵ Там же, т. 23, стр. 261.

⁶ Там же, т. 25, стр. 333.

⁷ Там же, т. 26, стр. 143.

пролетариата «доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции», а положение о том, что государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм» и может быть назван «государственным социализмом» и т. п. является буржуазно-реформистским утверждением, имеющим целью отвлечь пролетариат от революционной борьбы за установление социалистического способа производства⁸. Следовательно, государственно-монополистический капитализм обеспечивает лишь возможность проведения социалистических преобразований в области экономики, но эта возможность может превратиться в действительность лишь в условиях диктатуры пролетариата.

Указывая на гигантское обобществление производства при империализме, В. И. Ленин вместе с тем подчёркивал, что империализм *не перестраивает и не может перестроить* капитализма снизу доверху», и постольку, следовательно, империализм есть «несвязное целое»⁹. Не представляет собой какого-то связанного целого и государственно-монополистический капитализм, и поэтому, говоря о материальных предпосылках социализма, В. И. Ленин имел в виду не только государственно-капиталистические монополии и органы по регулированию хозяйственной жизни страны, но и указывал на наличие трестированных отраслей промышленности¹⁰, на синдикаты и крупные банки, аппарат которых является «не вполне государственным при капитализме», но будет «вполне государственным» при социализме¹¹. Вопрос о государственно-монополистическом капитализме есть лишь часть вопроса о материальной подготовленности социализма, правда, наиболее существенная часть, поскольку государственно-монополистический капитализм есть высшая возможная при капитализме ступень обобществления, опирающаяся на все достижения капитализма в этой области.

Наконец, обращая внимание на регулирование экономики империалистических держав в годы первой мировой войны при помощи специальных государственно-монополистических институтов и видя в этом одно из проявлений материальной подготовленности социализма, В. И. Ленин указывал и на ограниченность этого регулирования в рамках капиталистического способа производства. Ограниченность эта двоякая. С одной стороны, капиталистическое регулирование подчинено прежде всего интересам получения невиданных в мирное время прибылей и ведется за счет всего народного хозяйства и широких народных масс. Поэтому В. И. Ленин называл регулирование экономики в годы первой мировой войны реакционно-бюрократическим, а систему государственно-монополистического капитализма — каторгой для рабочих и охраной прибылей капиталистов¹². Таким образом, основное противоречие капиталистического способа производства при государственно-монополистическом капитализме не только не исчезает, но в еще большей степени обостряется и ведет в конечном счете к разрыванию общего кризиса экономики. Отсюда и другая сторона ограниченности регулирования в рамках капиталистического способа производства — его ограниченность и во времени. Регулирование экономики организуется прежде всего в ходе войн, после окончания которых оно прекращается. И это неизбежно, поскольку, во-первых, капитализму, как таковому, не свойственно регулирование хозяйства в целом: оно является вынужденным и используется для напряжения всех сил страны и возможностей капиталистической экономики в интересах ведения империалистических войн. В этой связи В. И. Ленин сделал важное замечание, что между

⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 414—415.

⁹ Там же, т. 24, стр. 426, 427.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 436.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 82.

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 332.

степенью развития государственно-монополистического капитализма и уровнем развития производительных сил нет прямого соотношения¹³. Во-вторых, война приводит к гигантскому разрушению производительных сил и именно это разрушение сплошь и рядом возрождает старый капитализм и снимает искусственный аппарат регулирования¹⁴.

Таким образом развитию регулирования свойственны неравномерность, зигзагообразность, нарастание в период войн и спад или даже полное прекращение в период между войнами. Другая же сторона государственно-монополистического капитализма, т. е. использование государства монополиями в интересах укрепления своего господства и получения максимальной прибыли, все время расширяется — как в период регулирования экономики страны, так и в период ликвидации этого регулирования.

Ленинское учение о государственно-монополистическом капитализме было создано к концу первой мировой войны, когда государственно-монополистический капитализм впервые сложился в известную систему. Последующие 40 лет его истории полностью подтвердили всеохватывающее значение концепции В. И. Ленина.

Восстановление «свободы» рыночных отношений в период между мировыми войнами сопровождалось усилением государственного вмешательства в капиталистическую экономику в интересах монополий. Начиная с мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. инфляционное ограбление трудящихся становится одним из постоянных источников самофинансирования монополий, которые начинают беззастенчиво распоряжаться средствами казначейства и центрального банка. Эти средства широко обращаются на субсидирование и спасание пошатнувшихся и обанкротившихся промышленных и банковских монополий от ударов мирового кризиса. В этих же целях начинается государственное вмешательство в деятельность крупных предприятий и банков, получает распространение законодательство, ограничивающее их «свободу» предпринимательской деятельности, а также различные формы искусственного ограничения конкуренции, вроде скупки государством «избыточной» продукции и т. п. «Борьба» с кризисами методами государственного вмешательства в интересах монополий возникла впервые в условиях расшатывания всей капиталистической системы и объективно ведет к затягиванию кризиса и последующей депрессии. Позднее, в связи с подготовкой империалистическими государствами новых мировых войн, широко развиваются государственные заказы на вооружение и закупки стратегического сырья — вне рыночный спрос приобретает огромное значение в мирное время, а в последние годы становится средством искусственной поддержки высокого уровня производства и «борьбы» со «сподами» деловой активности. В годы второй мировой войны вновь была создана система государственно-монополистического регулирования, причем государственное финансирование промышленности расширилось до создания новых предприятий и даже отраслей на средства казначейства с последующей передачей их монополиям по резко заниженной стоимости. Сфера государственного хозяйства после второй мировой войны значительно увеличилась за счет послевоенной капиталистической «национализации» и создания государственных предприятий и банков в интересах внешнеэкономической экспансии монополий.

Отмеченные выше проявления «зрелого» государственно-монополистического капитализма представляют существенное значение для темы

¹³ «Возьмите, например, Германию,— писал В. И. Ленин,— образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки». (В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 149).

¹⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 145.

настоящей статьи, так как в капиталистической России на совершенно иной исторической почве аналогичные по форме проявления государственного вмешательства в экономику возникли намного раньше.

Несмотря на вызвавшуюся после первой мировой войны ограниченность и вынужденность регулирования капиталистического производства, рост государственного вмешательства в экономику в пользу монополий стал основой для развития многочисленных апологетических теорий. Неприкрытые защитники интересов монополий и их реформистская агентура начали изображать государственно-монополистический капитализм как новый экономический строй, где исчезают капиталисты и рабочие, а развитие экономики перестает быть стихийным и производство ведется «в интересах всего общества». Реформисты прямо отождествляют государственно-монополистический капитализм с социализмом. Все эти теории не новы и восходят еще к началу века. Именно тогда впервые появилась ревизионистская концепция Бернштейна о мирном вращении капитализма в социализм, развитая впоследствии Каутским, Гильфердингом и другими. С развитием государственно-монополистического капитализма, в особенности после победы Великой Октябрьской социалистической революции, указанные «теории» начинают широко пропагандироваться в различных формах («организованного капитализма», «регулируемой экономики» и т. д.) и берутся на постоянное вооружение всех реформистских партий. По этому же пути идут и современные ревизионисты, утверждая, что «растущая волна государственно-капиталистических тенденций в капиталистическом мире является самым наглядным доказательством того, что человечество неудержимо и разнообразными путями глубоко входит в эру социализма»¹⁵.

В современной буржуазной историографии неразрывной частью и дополнением апологетики государственно-монополистического капитализма является фальсификация истории Великой Октябрьской социалистической революции. В этой фальсификации центральное место занимает отрицание закономерности и в особенности отрицание экономических предпосылок победы социализма в нашей стране. Так, Б. Каутский, один из идеологических лидеров реформизма, утверждает, что капитализм в России не имел глубоких корней, а «стелился по поверхности». Лейбористский идеолог Коул пишет, что «Октябрьская революция свергла не капиталистический строй, а смешанную систему, которую никак нельзя охарактеризовать чем-либо определенным...». Откровенный апологет современных монополий ФРГ Б. Мейсснер утверждает, что в России «до 1917 г. ни капитализм, ни пролетариат не получили своего полного развития»¹⁶. Налицо, таким образом, прямая преемственность между тезисом русской буржуазной и меньшевистской историографии о том, что Октябрьская революция произошла в отсталой и неразвитой капиталистической стране и что в связи с этим победа социализма в ней невозможна, и идеями нынешних фальсификаторов истории. Так в идеологической борьбе с лагерем социализма и коммунистическим движением буржуазных стран апологетика государственно-монополистического капитализма, приукрашивание его под социализм тесно переплетаются с отрицанием экономической подготовленности социалистической революции в нашей стране.

Изучению вопроса о государственно-монополистическом регулировании, как одной из важнейших материальных предпосылок социализма в России, в продолжение довольно длительного времени уделялось мало внимания по сравнению с конкретным исследованием использования государства в интересах укрепления монополий и дополнительного ограб-

¹⁵ «Ревизионизм — главная опасность. Из опыта борьбы коммунистических и рабочих партий против современного ревизионизма», М., 1958, стр. 48.

¹⁶ См. «История СССР», 1958, № 6, стр. 206; 1958, № 2, стр. 179; 1959, № 1, стр. 242.

ления народных масс. Это объясняется прежде всего исторической обстановкой, сложившейся после первой мировой войны. В это время регулирование производства было уже пройденным этапом, но зато появились различные новые формы и методы использования государственного аппарата в интересах монополий. В идеологической области наступление монополий выразилось в создании различных апологетических и реформистских «теорий», приукрашивающих государственно-монополистический капитализм под некое подобие социализма. Борьба с этими теориями выдвинулась на первый план, и работы, посвященные характеристике государственно-монополистического капитализма, были нацелены прежде всего на его разоблачение как системы империалистической эксплуатации народов «своей» и других стран. Немалым препятствием для изучения материальных предпосылок социализма в нашей стране было и довольно распространенное, но неправильное понимание исторического развития России в период капитализма. Из самого по себе верного положения об экономической отсталости России, выводился тезис об отсталости ее по сравнению с главными капиталистическими странами в области монополизации хозяйства и развития государственно-монополистического капитализма. Эти положения были сформулированы еще в 1920 гг. и связаны с представлением об экономической незрелости России для перехода к социализму. Так, М. Н. Покровский считал, что «все чисто экономические показатели были за неуспех Октябрьской революции», что «при чисто экономическом объяснении ... нельзя было предсказать того, что действительно случилось, что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко экономическим законам»¹⁷. Эти положения М. Н. Покровского в отношении конкретного материала опирались на исследования Н. И. Ванага, С. Л. Ронина, Л. Крицмана и других, которые, исходя из неверного положения о том, что царская Россия была колонией западноевропейского империализма, отрицали наличие в России национальной системы монополистического капитала. Тезис о колониальной зависимости России от западноевропейских держав давно отвергнут советской исторической наукой. Однако положение об отсталости России по степени монополизации хозяйства и по развитию государственно-монополистического капитализма в скрытом виде до сих пор лежит в основе ряда предвзятых представлений¹⁸.

Формирование государственно-монополистического капитализма в условиях политического господства крепостников-помещиков может быть понято только на почве изучения экономической политики царизма, мало привлекавшей внимание историков. Между тем в конце 1920-х гг. Н. И. Ванаг и другие создали неверное представление о том, что экономическая политика царизма выражала исключительно интересы крепостников-помещиков. Тем самым на область экономических отношений и экономической политики механически переносилась политическая зависимость русской крупной буржуазии от царизма, а важнейшие указания В. И. Ленина о том, что царизм благожелателен и угодлив к капиталу, как нигде, о сильнейшей материальной зависимости царизма от буржуазии всей России¹⁹ и т. д. не понимались или игнорировались. Довольно длительное время имел хождение и тезис о невозможности сращивания государственного аппарата царизма с монополистическим капиталом

¹⁷ «Труды первой всероссийской конференции историков-марксистов», т. I, М., 1930, стр. 374, 303.

¹⁸ Например, преобладание синдикатской формы монополистических объединений нередко расценивается как более низкая степень монополизации промышленности России по сравнению с другими империалистическими странами; слабые результаты государственного регулирования военной экономики в 1915—1917 гг. истолковывались как неразвитость или даже отсутствие государственно-монополистического капитализма в России и т. д.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 241—242; т. 2, стр. 93, 95.

«как классово или социально неоднородных явлений». В 1952—1953 гг., когда общепринятым определением для характеристики государственно-монополистического капитализма стало не сращивание госаппарата с монополиями, а подчинение его монополиям, классовая природа самодержавия перестала рассматриваться как причина, исключающая возможность формирования государственно-монополистического капитализма в России. Появившиеся вслед за этим исследования ряда историков и экономистов, и прежде всего — М. Я. Гефтера и Т. Д. Крупиной, на большом фактическом материале показали как экономическая политика правительства с начала XX в. служила интересам капиталистических монополий. Они также раскрыли известную ограниченность сферы подчинения государственного аппарата капиталистическим монополиям. Но, исследуя этот процесс, авторы не проанализировали причин, по которым царизм по собственной инициативе шел на прямую и весьма значительную поддержку монополий.

За последние годы значительно продвинулось вперед изучение экономической истории России в период первой мировой войны²⁰. В этой области за последние 15 лет особенно много сделано А. Л. Сидоровым и А. П. Погребинским. Совсем недавно были опубликованы исследования И. В. Маевского и Г. И. Шигалина. Основной тематикой исследований являлось выяснение общих закономерностей развития военной экономики России. Достаточно подробно изучены взаимоотношения царизма с военно-промышленными комитетами и союзами земств и городов, обстоятельно показано обогащение монополистической буржуазии. Подробно исследована деятельность центрального органа по регулированию военной экономики — Особого совещания по обороне, началось изучение и других особых совещаний. История государственно-капиталистических монополий и органов по непосредственному регулированию отдельных отраслей промышленности в годы войны оставались вне поля зрения указанных исследователей. Поэтому попытки дать на указанном материале общую оценку российского государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны привели некоторых авторов к выводу о его слабости²¹ или даже отсутствию²².

Опираясь на сделанное советскими историками и экономистами, авторы настоящей статьи считают необходимым выделить следующие узловые вопросы, которые, по их мнению, будут способствовать разработке проблемы государственно-монополистического капитализма в плане материальной подготовленности социализма в нашей стране: исторические предпосылки раннего возникновения государственно-монополистических тенденций, зарождение государственно-монополистического капитализма в России до первой мировой войны и складывание системы государственно-монополистического капитализма в годы войны²³. Выделение именно

²⁰ А. Л. Сидоров. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 годах. «Исторический журнал», 1944, № 10—11; Его же. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны. «Исторические записки», т. 15; Его же. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране. «Исторические записки», т. 26; Его же. К истории топливного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.), «Исторические записки», т. 59; А. П. Погребинский. Мобилизация промышленности царской России в первую мировую войну, докт. дис., М., 1948; И. В. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны, М., 1957; Г. И. Шигалин. Военная экономика в первую мировую войну (1914—1918 гг.), М., 1956.

²¹ И. В. Маевский. Указ. соч., стр. 74.

²² См. Г. Д. Бакулев. Черная металлургия Юга России, М., 1953, стр. 224.

²³ Рассматриваемые ниже вопросы в основном написаны: экономическая политика царизма во второй половине XIX в. и в период империализма — И. Ф. Гиндиным, процессы монополизации и характеристика первых государственно-монополистических органов — В. И. Бовыкиным, государственно-монополистический капитализм в годы первой мировой войны — К. Н. Тарновским.

этих вопросов необходимо еще и потому, что недостаточная их изученность является источником рассмотренных выше неверных представлений о развитии российского государственно-монополистического капитализма.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЭКОНОМИКУ В ПЕРИОД ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Период домонополистического капитализма отличается как от эпохи первоначального накопления, так и от империализма незначительным непосредственным вмешательством государства в хозяйственную жизнь. Так было в главных капиталистических странах. Напротив, в России (также в Японии) в течение всего периода домонополистического капитализма непосредственное государственное вмешательство в хозяйственную жизнь осуществлялось в самых широких масштабах. И это являлось одной из характернейших особенностей экономической политики царского правительства.

Экономическая политика служит как непосредственным интересам господствующих классов, так и укреплению их политического господства. Между этими двумя ее целями не может быть коренных расхождений в странах, где произошла буржуазная революция и у власти находится крупная буржуазия. Иначе обстояло дело в России, где вплоть до 1917 г. у власти находились крепостники-помещики, а крупная буржуазия должна была довольствоваться ролью союзника и даже политического «лакея» самодержавия. Классовая природа самодержавия определяла одну из важнейших целей его экономической политики — возможно более длительное сохранение полукрепостнических отношений в деревне. И в то же время сохранение и укрепление политического господства крепостников-помещиков в период капитализма было возможно лишь при условии экономического роста страны, движения ее вперед по пути капитализма. Диктовавшаяся стихийными законами его развития и способствующая ему экономическая политика была для царского правительства прежде всего лишь средством укрепления власти помещиков и возможно более длительного сохранения полукрепостнических латифундий; т. е. она отвечала не только политическим, но и коренным экономическим интересам помещиков. Все это означает, что «буржуазная» экономическая политика царского правительства не могла не быть глубоко противоречивой. Первое, основное ее противоречие заключалось в стремлении совместить политику, направленную на капиталистическое развитие страны, с сохранением полукрепостнических отношений в деревне, препятствующих этому развитию. Второе противоречие состояло в том, что политика, способствующая развитию капитализма в стране и отвечающая коренным интересам помещиков, при всем стремлении правительства не могла удовлетворять их повседневных экономических требований. Так было и при ликвидации бумажно-денежного обращения в 1895—1897 гг., и при последовательном проведении высокой таможенной охраны промышленности. Но при всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царского правительства, способствование капиталистическому развитию стало главным ее направлением. Глубокая экономическая отсталость страны становилась для царизма явно опасной в политическом и прежде всего во внешнеполитическом отношениях. В этих условиях царское правительство не могло ограничиться такими общими мерами экономической политики, как таможенная охрана промышленности и т. п. Оно вынуждено было стать на путь своеобразного форсирования методами государственного вмешательства развития тех отраслей, которым, по официальной терминологии, придавалось «государственное значение». Эта своеобразная черта домонополистического капитализма в России отмечена В. И. Лениным в его обоб-

щающей характеристике периода русской истории, «который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»²⁴. Система государственного вмешательства имела в России давние традиции и широкую, значительно возросшую в период капитализма, материальную базу («государственное хозяйство»). После реформы 1861 г. все эти средства правительства железных дорог, а также на организацию паровозных сообщений, на быстрее развитие и укрепление капиталистической кредитной системы, на ускорение создания внутри страны транспортного машиностроения, металлургии и военной промышленности, на поощрение разных дельцов-учредителей. В этих условиях правительство не стало на путь осуществления характерной для периода монополистического капитализма «свободы предпринимательской деятельности», а наоборот, ограничивало ее законодательными, административными и экономическими мерами. Основными методами государственного вмешательства являлись государственные заказы по завышенным ценам, государственное финансирование на некоммерческих основаниях, вплоть до прямого «пожертвования» крупными средствами казначейства и Государственного банка, прямое участие правительства в учреждении или управлении частными предприятиями и банками. Обратной стороной политики форсирования развития и укрепления указанных отраслей являлась их искусственная поддержка во время общих экономических кризисов, депрессий и даже частных хозяйственных затруднений. Спасение пошатнувшихся крупных предприятий и банков от банкротства и ликвидации (впервые после кризиса 1873 г.) складывается в своеобразную «борьбу» с кризисами, ставшую самостоятельной задачей правительственной политики.

С помощью огромных затрат правительство в некоторой степени содействовало ускорению развития перечисленных отраслей. К концу 1870 гг. железнодорожная сеть составила свыше 20 тыс. верст, укрепилась капиталистическая кредитная система, возникли крупные, с 2—3 тыс. рабочих, паровозные, вагонные, рельсовые, военные заводы, такие как Путиловский, Невский, Коломенский, Обуховский, Балтийский и некоторые другие. Однако под действием стихийных экономических законов результаты правительственной политики существенно отличались от конкретных целей этой политики. Значительная часть железных дорог давала убытки, которые правительство вынуждено было покрывать из государственных средств. Крупные заводы тяжелой промышленности получили одностороннее развитие, рассчитанное на государственный спрос, и правительство было вынуждено давать им заказы, когда продукция их не имела спроса. Поддержка дельцов-учредителей также не привела к созданию прочных жизнеспособных предприятий, а только обогащала этих дельцов.

Многообразные формы государственного вмешательства, поддержка, восполнение и спасение крупных предприятий и банков создавали им искусственными мерами полумонопольное положение еще в период домонополистического капитализма, усиливали стихийные процессы концентрации в промышленности и на транспорте, централизацию капиталов в крупных банках, с наступлением периода империализма содействовали ускорению процессов монополизации хозяйства²⁵.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 300 (разрядка наша.— Авт.).

²⁵ Данная выше в тезисной форме характеристика сущности, методов и действительных результатов государственного вмешательства изложена подробнее, с фактическим обоснованием в статье И. Ф. Гиндина «К вопросу об экономической политике

Отношения, складывавшиеся на почве многостороннего государственного вмешательства в пользу крупных предприятий и банков, еще в период домонополистического капитализма по форме во многом были сходны с формами проявления государственно-монополистического капитализма. Таковы:

а) Самое крупное в мире государственно-капиталистическое хозяйство, являвшееся потребителем значительной части продукции многих частных предприятий тяжелой промышленности и даже отдельных ее отраслей. Отсюда большая их зависимость от государственного, а не рыночного спроса в мирное время; крупные государственные банки, коммерческий (Государственный) и ипотечные (Дворянский и Крестьянский), государственные сберегательные кассы, огромное развитие государственного кредита и большое влияние государства на денежный рынок.

б) Непосредственное участие правительства в организации транспортных и промышленных предприятий и крупных банков; переход частных капиталистических предприятий в собственность государства на крайне выгодных условиях для их прежних владельцев (железные дороги, Обуховский и Балтийский заводы, Путиловский в 1876 г., временно Мальцовские и др.); продажа на таких же для капиталистов условиях государственных предприятий частным лицам (Николаевская и Москвитинская ж. д. в 1860 гг., Богословский и другие казенные горные заводы и золотые прииски в 1870 гг., Путиловский в 1883 г., Мальцовские и Невский заводы в 1890 гг.).

в) Отсутствие свободы учредительства предприятий и в особенности банков. Искусственное ограничение конкуренции законодательными и административными мерами или создание особых условий для немногих предприятий и банков.

г) Система государственных заказов как средство развития ограниченного числа крупных предприятий (одни только казенные заказы для железных дорог с 1868 по 1879 гг. составили 115 млн. руб., еще больше в 1890 гг.), или же как средство искусственной загрузки предприятий (45 млн. руб. заказов паровозным и рельсовым заводам в 1880 гг.); создание в связи с этим многолетних государственных запасов промышленной продукции, не имеющей сбыта (паровозов, рельс в 1880 гг.).

д) Широкое государственное финансирование за счет средств казначейства и Государственного банка на некоммерческих началах крупных предприятий и банков ради их развития или спасения их от банкротства и сохранения вплоть до крупного «пожертвования» государственных средств.

е) «Борьба» с кризисами и вообще «хозяйственными потрясениями» как всеми перечисленными мерами государственного вмешательства, так и прямым воздействием на сокращение «излишнего» производства (консервация, под давлением правительства, Невского завода в 1884 г.). В том же плане прямое участие или содействие правительства организации первых монополистических объединений в 1880 гг. — рельсового, скреплений, мостов, а также сахарного, с официальным признанием, что «организованное» сокращение производства в данных условиях соответствует задачам правительственной политики.

ж) Возникновение на почве государственного вмешательства чрезвычайно ранней и многообразной личной заинтересованности царских сановников и чиновников в «делах» крупного капитала, вплоть до участия в управлении банками и предприятиями или перехода к ним на службу.

Вся совокупность перечисленных мер и явлений приводила в конечном итоге к обогащению крупного, пока еще монополистического капи-

царского правительства в 60—80-х годах XIX века». («Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 63—82).

тала. Вместе с тем, создавались предпосылки для раннего проявления государственно-монополистических тенденций с наступлением периода империализма.

Однако отношения, складывавшиеся на почве государственного вмешательства в России, в корне отличались от аналогичных по форме проявлений «зрелого» государственно-монополистического капитализма 1930 гг. Первые определялись в конечном счете недостаточным развитием капитализма в России, тогда как вторые — общим кризисом всей капиталистической системы.

РАЗВИТИЕ МОНОПОЛИЙ И РАННЕЕ ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Одной из главных особенностей экономики России была исключительно высокая степень концентрации промышленности.

Русская промышленность в ряде важнейших ее отраслей (и прежде всего это касается металлургии и металлообработки) возникала сразу же в форме крупной машинной индустрии. Анализируя процессы развития капитализма в России во второй половине XIX в., В. И. Ленин указывал на высокий уровень и быстрый рост концентрации русской промышленности²⁶.

Высокий уровень концентрации промышленности послужил основой для зарождения и развития монополий, а невиданная концентрация спроса, являвшаяся следствием того, что крупнейшим потребителем продукции была казна, способствовала усилению процессов монополизации. В результате еще в начале 80-х годов XIX в. в России возникли первые монополии, объединяющие предприятия, которые обслуживали главным образом железнодорожное строительство²⁷.

Несколько позднее возникли монополистические объединения в других отраслях русской промышленности: конвенция гвоздильных и проволочных заводов, сахарный синдикат, синдикат керосинозаводчиков и др. Начальная полоса развития монополий в 80—90-х годах XIX в. послужила преддверием к утверждению их господства в русской промышленности.

В предвоенные годы в России действовало около 150 монополистических объединений различного типа²⁸. Как показывают последние исследования советских историков и экономистов, эту цифру следует рассматривать лишь как минимальную. В угольной и нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии, металлообработке и машиностроении в начале XX в. возникла целая группа отраслевых монополистических объединений. К сожалению, история возникновения и деятельности этих объединений еще очень слабо освещена в нашей литературе. Лучшее всего изучены синдикаты «Продамета» и «Медь». Хуже обстоит дело с изучением истории синдикатов «Продуголь», «Кровля», «Проволока», «Продаруд», а также монополистических объединений в нефтяной и во-

²⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 451. Вопрос о концентрации русской промышленности в конце XIX — начале XX в. достаточно полно изучен советскими историками. См. П. И. Лященко. История народного хозяйства, т. II, М., 1954; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках, М., 1950; Д. И. Шполянский. Монополии в угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века, М., 1953; А. Л. Цукерник. Концентрация металлургической промышленности Юга России в 1900—1913 гг. «Ученые записки Киевского финансово-экономического института», вып. II, 1950 и др.

²⁷ В. И. Бовыкин. Новые сведения о ранних монополиях в России. «Вестник Московского университета», историко-филологическая серия, 1956, № 1.

²⁸ Т. Д. Крупина. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907—1914 гг.), автореферат канд. дис., М., 1954, стр. 8.

енной промышленности. Что же касается монополий в транспортном машиностроении, в меднопрокатной и электротехнической промышленности, в сельскохозяйственном машиностроении и в ряде других отраслей русской тяжелой промышленности, то их изучение только начинается. Мы очень мало знаем также о монополиях в легкой промышленности, в частности в текстильной, которая, как известно, занимала очень важное место в русской промышленности.

Тем не менее, даже те сведения, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельствуют о весьма интенсивных процессах монополизации, охвативших в начале XX в. не только промышленность, но и железнодорожный и водный транспорт России. Указанные процессы интенсивно протекали и в области кредита. Уровень концентрации банков был в России весьма высок. Особенно важную роль среди русских банков играли Русско-Азиатский, Международный и Азовско-Донской, основные пассивы которых в 1914 г. составили более 30% суммы основных пассивов всех русских банков, т. е. более чем доля крупнейших банков в основных капиталистических странах²⁹. Вокруг этих-то банков и создаются в условиях предвоенного промышленного подъема банковые монополистические группы.

Промышленный подъем 1909—1913 гг. явился новым этапом в развитии монополий в России. В эти годы на основе сращивания банковского капитала с промышленным в России возникают монополистические объединения высшего типа: концерны и тресты. Крупнейшими из них были: нефтяные концерны «Русская генеральная нефтяная корпорация», «Шелл» и «Нобель», военно-промышленная группа Русско-Азиатского банка, Южная судостроительная и Сормово-Коломенская группы Международного банка, трест «Гута-Банкова» и др.

В целом уровень монополизации русской промышленности, достигнутый к началу первой мировой войны, являлся весьма высоким. Между тем в нашей литературе до сих пор бытует представление, что по уровню монополизации промышленности Россия отставала от основных капиталистических стран. Главным аргументом при этом обычно служит указание на преобладание синдикатской формы монополистических объединений в русской промышленности. Однако синдикаты до первой мировой войны являлись преобладающей формой монополий не только в России, но и во всех основных капиталистических странах, кроме США. К этому следует добавить, что в России вследствие высокого уровня концентрации производства и весьма значительной концентрации сбыта отраслевые монополистические объединения картельного и синдикатского типа заняли совершенно исключительное положение, добившись безраздельного господства в ведущих отраслях тяжелой промышленности. В каждой из этих отраслей господствовало одно монополистическое объединение. Так, в черной металлургии решающие позиции занимал синдикат «Продамета», который к 1912—1913 гг. сосредоточил в своих руках более 85% общеперского отпуска металла³⁰. В угольной промышленности аналогичное положение занял «Продуголь», на долю которого к началу предвоенного промышленного подъема приходилось до 60% всего сбыта донецкого угля³¹. В нефтяной промышленности господствовал картель «Нобель-Мазут»³² и т. д. Некоторые из таких отраслевых монополистических объединений, например синдикаты «Продпаровоз» и «Продвагон», достигли почти стопроцентного охвата общероссийской продукции. Такого уровня монополизации обычно не достигали синдикаты

²⁹ И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки, М., 1948, стр. 381.

³⁰ А. Л. Цукерник. История синдиката «Продамет», М., 1957, стр. 13.

³¹ П. В. Волобуев. Из истории синдиката Продуголь. «Исторические записки», т. 58, стр. 121.

³² П. В. Волобуев. Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1910—1914 гг.). «Исторические записки», т. 52, стр. 82—94.

в более развитых капиталистических странах. К тому же изучение процессов монополизации нефтяной, металлообрабатывающей, табачной промышленности в России в годы предвоенного промышленного подъема показало, что уже накануне войны в этих отраслях важное место заняли монополистические объединения высшего типа (концерны и тресты). Развиваясь как по линии горизонтального кооперирования, так и по линии вертикального комбинирования, концерны и тресты превращались в конечном счете в крупнейшие межотраслевые монополии³³. Поскольку картели и синдикаты объединяли обычно большое число предприятий, но монополизировали лишь один, совершенно определенный вид выпускаемой ими продукции, а концерны и тресты объединяли, как правило, значительно меньшее число предприятий, но подчиняли полностью все их производство, эти две формы монополий, теснейшим образом переплетаясь между собой, взаимно дополняли друг друга³⁴. В результате возникновение концернов и трестов еще более усилило позиции монополистического капитала.

Но чем сильнее становились эти позиции, тем активнее проявлялось стремление монополистического капитала к подчинению госаппарата, к использованию государственной власти в интересах дальнейшего укрепления своего экономического господства и обеспечения условий для извлечения максимальных прибылей. Наличие в России широкой сферы государственного хозяйства и проводимая царским правительством политика активного вмешательства в экономическую жизнь страны создавали благоприятные условия для реализации этого стремления.

Господствовавшие в русской промышленности монополистические группы стремились использовать госаппарат для получения на наиболее выгодных для них условиях казенных заказов, для поддержания на нужном им уровне таможенных пошлин и железнодорожных тарифов, для подавления сопротивления аутсайдеров, для борьбы с нараставшим рабочим движением и т. д. Захватив ключевые позиции в русской экономике, монополистический капитал получил возможность оказывать серьезное давление на царское правительство. Так, например, в условиях господства монополий перестала достигать своей цели система торгов, широко применявшаяся самодержавием при выдаче казенных подрядов. Устранив конкуренцию на торгах путем заключения единовременных или постоянных соглашений между участвующими в них предприятиями, монополисты смогли навязывать государственным ведомствам свои условия распределения и выполнения заказов. Расширяя сферу своего влияния, монополистический капитал в предвоенные годы оказался в состоянии путем ограничения производства угля, нефти, чугуна, стали и т. п. создать в России топливно-металлический голод, который, усилив диспропорцию развития отдельных отраслей промышленности, тормозил ее развитие. Он создал большие трудности в работе казенных железных дорог. Этот голод послужил в руках у монополистов важным орудием давления на правительство в целях их обогащения за счет казначейства.

³³ В составе военно-промышленной группы Русско-Азиатского банка мы видим, например, не только машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия различного профиля, но также металлургические заводы, рудники и угольные шахты. Нефтяные концерны — Русская генеральная нефтяная корпорация, «Шелл», «Нобель» — сосредоточили в своих руках не только добычу нефти, но и ее переработку, а также производство оборудования для нефтяной промышленности.

³⁴ Можно привести немало примеров, когда промышленные предприятия, входившие в состав монополистических объединений высшего типа, одновременно являлись участниками картелей и синдикатов. Так, Общество Путиловских заводов, игравшее центральную роль в военно-промышленной группе Русско-Азиатского банка, входило в состав «Продпаровоза», «Продвагона», объединения снарядных заводов и др. Лишь в некоторых отраслях промышленности, занимавшихся производством исходного продукта (добыча железной руды, угля), развитие монополистических объединений высшего типа привело к вытеснению ими господствовавших там синдикатов («Продаруда», в меньшей степени «Продугля»).

Стремясь использовать госаппарат царизма в своих интересах, монополисты прибегали также к прямому подкупу азиатски-продажного русского чиновника³⁵. Подкуп охватил широчайший круг лиц: от швейцаров и курьеров, писарей и чертежников до генералов и адмиралов, директоров департаментов и министров. Широко распространилось переманивание высших царских чиновников на частную службу в банках и акционерных обществах. На это явление обратил внимание В. И. Ленин, в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»; он привел факт перехода директора кредитной канцелярии Министерства финансов Давыдова в крупный частный банк в качестве иллюстрации того, что «монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает *все* стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других „частностей“»³⁶. Немало бывших царских чиновников, генералов и адмиралов подвизались на службе в банках и различных акционерных обществах. Некоторые из них, выступая в роли консультантов этих обществ, продолжали занимать государственные посты. Получая от частных фирм жалование, во много раз превышавшее их казенные оклады, такие чиновники превращались в верных слуг монополий. Используя власть денежного мешка, монополистический капитал протягивал руки и к святой святых царского самодержавия — придворной камарилье. Многие из ее представителей в предвоенные годы оказались замешаны в финансовых аферах и биржевых сделках³⁷.

В условиях империализма монополистический капитал сумел не только в полной мере использовать различные формы государственной поддержки, но и вынуждал царское правительство выходить за рамки проводимой им политики поддержки монополий. Однако не следует рассматривать всякую невыгодную сделку, заключенную правительственными органами с монополиями как результат давления монополий. Зачастую в этих коммерчески невыгодных для казначейства сделках проявлялась та «государственная» линия, которой придерживалось царское правительство, исходя из общего направления своей экономической политики в течение всего периода капитализма.

Политика форсирования капиталистического развития уже во второй половине 90-х годов приобретает некоторое новое качество в связи с приближением периода империализма. Продолжая прежнюю линию на привлечение иностранного капитала в железнодорожном строительстве через каналы государственного кредита, правительство начинает способствовать привлечению иностранного капитала в промышленность в виде предпринимательского — акционерного, — что в канун империализма означало прямое содействие внедрению иностранного финансового капитала в экономику России. Старая экспансионистская внешняя политика царизма, наполнявшаяся постепенно капиталистическим содержанием, приобретает в канун XX в. новые черты. В Манчжурии и Корее под фирмой частных акционерных обществ создаются и действуют государственно-капиталистические банки и предприятия (Русско-Китайский банк, К.-В. ж. д. и др.). Такая форма не являлась одной лишь тактической маскировкой, так как внешняя политика на Дальнем Востоке начинала выражать интересы нарождавшегося монополистического капитала³⁸. Продолжая практику неуставных ссуд, Министерство финансов нацеливает Государственный банк на широкое финансирование промышленного подъема и поощряет развитие синдикатско-эмиссионных и учре-

³⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 202.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 225.

³⁷ Отдельные примеры широко известны. Однако в целом вопрос о взаимоотношениях монополистического капитала с придворной камарильей изучен еще очень плохо.

³⁸ См. Б. А. Романов. Россия в Манчжурии, М., 1928; Б. А. Варин. Империализм в Манчжурии, М., 1934.

дительно-спекулятивных операций акционерными банками. С 1899 г., с первыми признаками кризиса, вся система государственного вмешательства переключается на «борьбу с кризисом» и на спасение крупных предприятий и банков. Сюда бросаются десятки миллионов рублей средств Государственного банка в виде неуставных ссуд и уставных по форме кредитов. В собственность банка или в его фактическое управление переходит ряд крупных металлургических, машиностроительных и других предприятий — Невский, Александровский, Керченский, Донецко-Юрьевский, Богословский и другие уральские заводы, Алексеевское горно-промышленное общество, резиновый завод «Богатырь», крупнейшие парохозяйства, Восточное общество товарных складов и ряд других. Только с помощью Министерства финансов уцелевают некоторые крупнейшие банки, ряд банков переходит в ведение Министерства финансов и Государственного банка и в течение многих лет искусственно поддерживается или ликвидируется «безболезненно» для капиталистов, но с большими убытками для Государственного банка³⁹. Для искусственного противодействия падению курсов акций организуется в интересах банков синдикат, возглавляемый Государственным банком. Система казенных заказов по завышенным ценам, как и в 80-х годах обращается на «борьбу с кризисом», но приобретает новую организационную форму в виде надведомственного «Комитета по распределению заказов на рельсы, подвижной состав и железнодорожные принадлежности».

Резко усилившиеся с наступлением эпохи империализма и под непосредственным воздействием кризиса процессы монополизации промышленности встретили полную поддержку правительства. В России синдикаты могли открыто учреждаться лишь с ведома и согласия правительства, которое еще в 1880 гг. видело в них подходящую форму организованного и наиболее безболезненного сокращения производства в целях «борьбы с хозяйственными потрясениями». Поэтому создание важнейших синдикатов в России происходило в полнейшем согласии нарождавшегося монополистического капитала и правительства⁴⁰. О мотивах правительственной поддержки неоспоримо свидетельствует проведенная Витте в 1902 г. сложная операция по приобретению Государственным банком Керченского металлургического завода только ради предотвращения «излишней» конкуренции путем консервации завода, затянувшейся до 1912 г.⁴¹. Старая политика царизма с ее методами государственного вмешательства ради форсирования развития тяжелой промышленности, транспорта и банков в годы подъемов и спасания предприятий и банков при кризисах стала с началом периода империализма приобретать новое качество: переход от поддержки и дополнительного обогащения крупного капитала к поддержке и обогащению монополистического капитала.

Правительство неизменно продолжало оказывать деятельную помощь монополистическому капиталу и после того, как он в годы промышленного подъема настолько окреп, что занял ключевые позиции в экономике страны. Эта поддержка выражалась как в общих мерах экономической политики и прежде всего в высокой таможенной охране, так и в продолжавшихся методах непосредственного государственного вмешательства.

³⁹ См. некоторые данные в статье И. Ф. Гиндина. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства. «Исторические записки», т. 35.

⁴⁰ См. факты об учреждении «Продаметы». «Труды XXVI съезда горнопромышленников Юга России», т. 1, Харьков, 1902, стр. 17—19; «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1901, № 47, стр. 346; Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности, М., 1910, стр. 73 (об учреждении Продугля, Продвагона, Мостостроительного синдиката и др.); Т. Д. Крупина. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями. «Исторические записки», т. 57, стр. 145—150. Активная поддержка синдикатов выражалась и в прямом участии в них предприятий, принадлежавших правительству.

⁴¹ См. И. Ф. Гиндин, Указ. статья, «Исторические записки», т. 35, стр. 112.

В условиях достигнутого к концу первого десятилетия XX в. уровня развития тяжелой промышленности и банковского кредита такое вмешательство полностью потеряло свой прежний смысл насаждения, ускорения роста и укрепления этих отраслей и стало служить главным образом интересам монополистического капитала. В период империализма Россия по-прежнему имела огромное государственное хозяйство, и всякого рода государственные заказы, поставки и подряды все больше стали предоставляться промышленным монополиям или захватываться ими⁴². Прямая поддержка промышленным монополиям была оказана и путем продажи им в 1908—1913 гг. тех важнейших предприятий, которые в годы кризиса перешли в собственность или фактическое распоряжение Государственного банка. Правительство и после кризиса 1900—1903 гг. неизменно продолжало линию на сохранение и поддержку крупных банков, особенно столичных, и это способствовало перерастанию их в крупнейшие банковские монополии. Усилиями правительства или при его деятельном участии были проведены два крупнейших в России слияния банков, в результате которых возникли Русско-Азиатский и Соединенный банки⁴³. Несмотря на неоднократные протесты представителей торгового капитала и помещиков и прямое нарушение банками уставных правил, Министерство финансов по существу покровительствовало внедрению банковских монополий в торговлю и через нее в сельское хозяйство. Министерство активно поддерживало широкое финансирование ведущими банками промышленных монополий и крупных предприятий в 1909—1913 гг. По мере роста этого финансирования увеличивалась и достигла в итоге огромных размеров, почти 1 млрд. руб., задолженность крупнейших банков Государственному банку и Министерству финансов. Ни в одной из основных капиталистических стран до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. средства центрального банка и казначейства не ставились еще непосредственно на службу монополистического капитала. В России эти средства почти на 20 лет раньше в огромных размерах были использованы в интересах банковских, а через них и промышленных монополий. Задолго до окончания подъема, уже при первых признаках близости его завершения, правительство вновь, но в значительно больших масштабах становится на путь искусственного воздействия на биржу в интересах банковских монополий. Синдикат банков под руководством Государственного банка доводит к началу первой мировой войны покупку нефтяных, металлических, банковских акций до 107 млн. руб. Организация и ведение банков за границей (в Персии, Монголии, на Балканах) в интересах русского монополистического капитала оставалось целиком в руках правительства и в период империализма.

По мере того как экономическое влияние крупной буржуазии перерастало в господствующее положение монополистического капитала в хозяйстве страны, возрастали и противоречия между обоими командующими классами — буржуазией и помещиками. Это являлось противоречием внутри третьеиюньской системы, проявлением «борьбы» за долю обоих эксплуататорских классов в ограблении рабочих и широких масс трудящихся, проявлением «общего и основного вопроса об управлении Россией (или вернее об ограблении России) двумя командующими классами»⁴⁴. Укрепление монополий и огромное их обогащение, в том числе и с помощью государства, шло параллельно с дальнейшим экономическим ослаблением помещиков. Экономическая основа помещного

⁴² См., напр., о казенных заказах в статье М. Я. Гефтера. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны. «Исторические записки», т. 43, стр. 95—96. Автор не прав, однако, полагая, что казенные заказы до периода империализма были «нерегулярным, эпизодическим» явлением.

⁴³ О Соединенном банке см. И. Ф. Гиндин. Московские банки в период империализма (1900—1917 гг.). «Исторические записки», т. 58, стр. 78—100.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 13.

дворянства — его землевладение — продолжала таять. Доля же помещиков в дополнительном перераспределении дохода через государственные каналы в пользу обоих господствующих классов — снижалась. Это порождало у них боязнь потерять свое господствующее политическое положение в стране. Отсюда давление помещиков на правительство, их требования «обуздать» монополитический капитал.

Вместе с тем господство монополий в условиях, сравнительно с главными странами Запада, низкого уровня развития производительных сил, неравномерности развития отдельных отраслей промышленности и районов приводила к крайне противоречивому влиянию монополий на экономику России, а политика монополий ущемляла интересы маломонополизированных отраслей. Именно в этом кроется причина критики монополий, а также благоприятствовавшей им экономической политики правительства, изнутри буржуазного лагеря. Поддержка монополий в период империализма так же не соответствовала более широким интересам капиталистического развития страны, как и политика «насаждения» и поддержки узких капиталистических групп второй половины XIX в.

В условиях политической активизации буржуазии в период империализма и при наличии «гласности» (Государственная дума) правительство вынуждено было как-то реагировать на буржуазную критику правительственной поддержки монополий. Тем более ему приходилось считаться с давлением помещиков, чья «критика» находила поддержку у камарильи и ее прямых ставленников внутри правительства. Все это, не меняя общего курса политики правительства, вынуждало его к известному маневрированию. Вопрос о монополиях и отношении к ним правительства явно обострился в 1908 г., в связи с проектом организации металлургического треста. Отрицательная, в конечном счете, позиция правительства отражала давление помещиков. Однако проект не осуществился в значительной степени из-за противоречий среди его инициаторов, т. е. самих представителей монополистического капитала⁴⁵. Истинное отношение правительства к монополиям проявилось в 1910 г. Оно скрыло от буржуазно-помещичьего общественного мнения результаты сенатских ревизий, выявивших наличие разветвленных негласных картельных объединений машиностроительных заводов, монополизировавших с помощью взяточников из госаппарата казенные подряды для Министерства путей сообщения и Военного министерства⁴⁶. Наиболее наглядно проявилось маневрирование правительства в 1912—1913 гг., когда искусственная поддержка монополиями роста продукции ради взвинчивания цен привела страну к топливному и металлическому «голоду». Правительство, создавая видимость «принятия мер», по существу полностью поддержало монополии⁴⁷. Ограничив под давлением помещиков права акционерных обществ приобретать внегородские земли, правительство быстро реагировало на протесты монополистического капитала. Только что принятый закон был «разъяснен» в удобном для монополий смысле⁴⁸. Всячески поддерживая монополии, правительство не спешило с созданием законо-

⁴⁵ См. М. Я. Гефтер. Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX в. «Исторические записки», т. 47, стр. 124—148. Правильность объяснения автора подтверждается тем, что инициаторы могли легко обойтись без согласия правительства: организовать трест путем системы участия (концерна), как это широко практиковалось во время подъема 1909—1913 гг.

⁴⁶ См. М. Я. Гефтер и П. В. Волобуев. Публикация материалов ревизии сенатора Нейдгардта [в находящемся в печати сборнике документов «Из истории монополистического капитализма в России» («Материалы по истории СССР», т. VI)].

⁴⁷ См. М. Я. Гефтер. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны. «Исторические записки», т. 43; П. В. Волобуев, Указ. статьи. «Исторические записки», тт. 52, 58.

⁴⁸ М. Я. Гефтер. Царизм и законодательное «регулирование» деятельностью синдикатов и трестов в России накануне первой мировой войны. «Исторические записки», т. 54, стр. 188—189, 191—192.

дательства о капиталистических синдикатах и трестах. Делалось это по той же причине, по которой правительство свыше 50 лет после реформы 1861 г. воздерживалось от введения соответствующего эпохе капитализма акционерного законодательства с явочным порядком учредительства и «свободой предпринимательской деятельности». Именно утверждение устава каждого акционерного общества в отдельности и каждого нового синдиката соответствовали всему тому порядку «регулирования и надзора», который являлся неотъемлемой стороной всей системы государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Это показывает, что никакое давление и наскоки помещиков не могли отклонить экономическую политику правительства от основной линии — всемерной поддержки монополистического капитала.

Вопрос о поддержке монополий, как одной из ведущих линий экономической политики правительства в период империализма, имеет большое значение для объяснения раннего формирования государственно-монополистического капитализма и притом в условиях, когда крупная буржуазия так и не сумела прийти к власти. Именно в силу последнего обстоятельства настойчивая поддержка монополий в формах, «опередивших» на много лет весь капиталистический мир, не может быть объяснена ни ростом экономической мощи монополий, ни свойственным им стремлением поставить государственный аппарат на службу своим интересам. Причины поддержки монополий отчетливо раскрываются в свете исторической преемственности с полувековой политикой государственно-го вмешательства, приводившей, в конечном счете, по всем линиям к поддержке и обогащению крупного капитала. И тогда правительство «маневрировало», пыталось совместить главное направление своей экономической политики с удовлетворением непосредственных экономических интересов помещиков. Еще в 1850 гг., дополнительное обогащение промышленных, банковских и особенно железнодорожных воротил за счет государственных средств стало превышать по своим размерам субсидирование помещиков. Поэтому и поддержка монополий правительством, и преобладание их интересов над экономическими интересами помещиков, и «маневрирование» — все это являлось прямым продолжением экономической политики, которую правительство вынуждено было проводить с начала периода капитализма.

Перерастание крупного капитала в монополистический привело к значительному усилению, а вместе с тем к дальнейшему увеличению «зависимости самодержавия от буржуазии всей России», по определению В. И. Ленина, самой сильной материальной зависимости⁴⁹. Вместе с тем продолжалось дальнейшее абсолютное и, главное, относительное экономическое ослабление помещиков, что вынуждало правительство еще больше экономически опираться на крупный теперь монополистический капитал. Рост его экономической силы впервые вызывает у помещиков опасение, что это может поколебать их политическое господство. Отсюда — обострение противоречий внутри господствующих классов и более явное в условиях третьеиюньского «парламентаризма» маневрирование правительства. Практически же для помещиков за счет прямых затрат государственных средств в 900-х годах делалось несравненно меньше, чем в домонополистический период.

Решения пресловутого совещания по делам дворянского сословия, в том числе закон о создании помещичьего землевладения в Сибири, остались на бумаге. Рожденный в недрах Главного управления земледелия и землеустройства проект Сельскохозяйственного банка был провален Министерством финансов. Домогательства помещиков на прибыль торгового и банковского капитала в хлебной торговле в форме создания помещичьих торговых и торгово-экспортных обществ или введения го-

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 368.

сударственной хлебной торговли были правительством отвергнуты. Все важнейшие льготы по Дворянскому банку были получены помещиками в XIX в., в 1900—1914 гг. существенных новых льгот не было. Самой крупной мерой в интересах помещиков являлась реализация их земель при проведении столыпинской реформы по завышенным ценам через Крестьянский банк. Основные выгоды дворянско-помещичья верхушка должна была извлекать из приобщения к доходам монополистического капитала, вроде добывания ему в правительственном аппарате концессий на железнодорожные линии (Трепов, например) или крупных государственных заказов.

Удовлетворение домогательств монополий вовсе не означало, что правительство шло у них на поводу. Подытоживая и конкретизируя основную задачу экономической политики правительства, Витте формулировал ее в 1899 г. как всемерное развитие промышленности («основная не только экономическая, но и политическая задача империи»), приравнивая развитие промышленности к общеэкономическому развитию страны. Повторяя в период империализма почти дословно Витте, Коковцов отождествляет способствование «развитию промышленности» с поддержкой монополизированной промышленности, расшифровывает формулу Витте как способствование монополистическому капиталу. Так в условиях империализма правительственная политика форсирования развития промышленности и обогащения крупного капитала закономерно переключалась на энергичную поддержку монополий.

Даже поддержка правительством позиции монополий на сдерживание роста продукции в 1912—1913 гг. объясняется прежде всего полным совпадением политики монополий с одной из основных линий правительственной политики — «борьбы с кризисами». Раньше, вплоть до 1900—1903 гг., лишь с наступлением кризисов правительство разворачивало весь арсенал своих мер «борьбы». Напуганное же глубиной последнего кризиса и продолжительностью депрессии, правительство в годы подъема проявляло готовность к проведению мер, которые могут «смягчить» неизбежный в будущем кризис. Поэтому синдикат для воздействия на биржу был организован задолго до исчерпания промышленного подъема, поэтому же правительство с позиции «борьбы с кризисами» относилось с полным одобрением к политике ограничения монополиями роста производства в годы подъема. Ссылаясь на опыт подъема 90-х годов и последующего кризиса начала 900-х, министр торговли и промышленности Тимашев прямо указывал, что «нельзя ставить промышленникам в вину, что они не решаются на резкое расширение производства. Это может... повести в будущем... к весьма болезненному промышленному кризису». К аналогичной мотивировке пришел в своем окончательном решении и Совет министров⁵⁰. Такие формулировки стоят в прямой преемственной связи с многочисленными предшествующими (начиная с 70-х годов) документами, относящимися к «борьбе с кризисами».

Необходимо также учитывать ту глубокую общность интересов бюрократических верхов и заправил монополистического капитала, без которой не может быть объяснено формирование государственно-монополистического капитализма при отсутствии у монополий политической власти. Общность интересов была заложена еще в широко распространенном участии крупных чиновников в управлении капиталистическими предприятиями в 60—80-х годах и нашла яркое выражение в период империализма. Особенно наглядно это проявилось в банковских монополиях, где ряд ведущих членов правлений, председателей и директоров-распорядителей являлись выходцами из верхов бюрократии⁵¹. Поэтому с полным

⁵⁰ Цитируется по статье М. Я. Гефтера. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны, стр. 123—124.

⁵¹ Из девяти крупнейших банков страны семь (за исключением Азовско-Донского

правом можно говорить о сращивании царского госаппарата с монополиями, о взаимопроникновении этого аппарата и аппарата монополий. Сращивание есть не что иное как ранняя форма подчинения, и недаром В. И. Ленин говорит о слиянии госаппарата с монополистическими союзами промышленников, т. е. в равнозначном сращиванию смысле. Но особенность России заключается в том, что политическая власть принадлежала все еще помещикам и их представителям — высшей бюрократии. И как бы последняя ни сближалась с монополистическим капиталом, как бы широко она ни открывала перед ним доступ к государственным средствам — ключ от них бюрократия крепко держала в своих руках и не давала в непосредственное распоряжение монополистов. Не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать фактического значения того давления на правительство, которое оказывало в период империализма дворянство. Представители наиболее реакционных помещиков уже в 90-х годах понимали, что правящая бюрократия им «изменила» и «продалась плутократии». Тем более в период империализма все попытки повернуть госаппарат от монополистического капитала в сторону помещиков могли дать лишь кратковременные и незначительные результаты⁵².

Таковы были корни исторически ранних проявлений в России элементов государственно-монополистического капитализма. В отличие от передовых капиталистических стран, где государственно-монополистический капитализм являлся результатом подчинения государственного аппарата монополиям, в России в основе его формирования лежали две встречные тенденции: с одной стороны, стремление монополий к использованию госаппарата самодержавия в своих интересах, и с другой стороны, политика активного государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, проводившаяся царским правительством. По мере усиления позиций монополий и подчинения ими отдельных звеньев госаппарата, организационные формы государственного вмешательства все более наполнялись монополистическим содержанием.

Уже в начале 900-х годов с момента вступления России в период империализма в отдельных отраслях русской промышленности возникают государственно-монополистические органы.

Такой орган возник, например, в сахарной промышленности, которая была монополизирована еще с конца 80-х годов XIX в. Когда в середине 90-х годов в условиях промышленного подъема сахарный синдикат оказался под угрозой распада, царское правительство пошло навстречу крупнейшим сахарозаводчикам и 20 ноября 1895 г. ввело так называемую «сахарную нормировку», ограничившую выпуск сахара на внутренний рынок⁵³. В основе этого вмешательства лежала общность классовых интересов самодержавия и сахарозаводчиков, в большинстве своем представителей помещичьего класса. Царское правительство, указывал В. И. Ленин, помогло «благородным дворянам-помещикам» «устроить стачку миллионеров-сахарозаводчиков для повышения цен и увеличения

и Московского купеческого) возглавлялись выходцами из Министерства финансов и Государственного банка. Из числа крупных чиновников, не имевших ранее собственных капиталов, вышли такие ведущие фигуры финансовой олигархии, как А. И. Путилов и И. А. Вышнеградский и целый ряд заправил меньшего калибра. П. Л. Барк продвинулся из госаппарата, с должности крупного чиновника, в директоры-распорядители Волжско-Камского банка, а потом занял влиятельнейший пост министра финансов.

⁵² Напр., камарилья сумела в 1914 г., воспользовавшись непопулярностью экономической политики главы правительства даже в широких буржуазных кругах, убрать столь удобного монополию Коковцова. И если общеполитический пост председателя Совета министров занял ставленник камарильи Горемыкин, то преемником практическо-экономической линии Коковцова — министром финансов — стал Барк, близкий к банковским монополиям. А министром торговли и промышленности остался Тимашев, бывший управляющий Государственным банком, прошедший там многолетнюю школу служения интересам крупного капитала.

⁵³ Подробнее об этом см. М. Я. Гефтер. Из истории монополистического капитализма в России. (Сахарный синдикат). «Исторические записки», т. 38

прибыли»⁵⁴. Образование в 1902 г. синдиката рафинеров организационно закрепило взаимодействие госаппарата самодержавия, осуществлявшего сахарную нормировку, с монополистами, захватившими решающие позиции в русской сахарной промышленности. Горстка монополистов-сахарозаводчиков, объединившаяся в синдикате рафинеров, использовала казенную нормировку для утверждения своего полного господства на сахарном рынке России. М. Я. Гефтеру удалось убедительно показать, что казенная нормировка являлась не чем иным как инструментом в руках у синдиката рафинеров. Осуществление сахарной нормировки Министерством финансов избавляло синдикат от необходимости иметь свой распределительный аппарат. Не удивительно поэтому, что такое мощное объединение так и осталось на стадии простого соглашения, обходилось без централизованной конторы для продажи. «Сахарный синдикат,— писал В. И. Ленин,— показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм»⁵⁵. По-видимому, много общего с сахарной нормировкой имела правительственная винная монополия. В. И. Ленин в числе мер, предпринятых царским правительством в интересах помещиков, ставил вслед за сахарной нормировкой винную монополию: «Оно (правительство.— Авт.) устраивает теперь благородным винокурренным заводчикам выгодный сбыт водки в казну»⁵⁶.

Государственно-монополистические органы возникают в 900-х годах и в тех отраслях промышленности, которые работали на казну. Здесь происходит как бы переплетение частных и государственных монополий. Вмешательство царского правительства в экономику вызывалось в данном случае как задачами экономической политики, так и потребностями ведения огромного казенного хозяйства, снабжения железных дорог, обеспечения армии вооружением и т. п.

Примером того, как на этой основе возникают органы государственно-монополистического регулирования, может служить история Комитета по распределению железнодорожных заказов. Созданный в 1902 г. с целью распределения заказов на различные предметы снабжения железных дорог, этот Комитет в условиях бурного развития монополий начала XX в. быстро оброс монополистическими объединениями, возникшими в опекаемых им отраслях. Еще в 1901 г., в период обсуждения вопроса о создании Комитета по распределению железнодорожных заказов, возник «Совет представителей паровозостроительных заводов» («Продпаровоз»). В 1904 г. были созданы синдикат «Продвагон», а также монополистические объединения заводов, изготавливающих мосты, стрелочные переводы и рельсовые скрепления. По-видимому, в эти же годы возникает негласное соглашение рельсовых заводов, которые с 1 января 1910 г. объединяются в специальный рельсовый синдикат внутри «Продаметы». Действительное распределение железнодорожных заказов оказалось в руках у монополий. Роль же комитета свелась к формальному утверждению проведенного монополиями распределения. Так, воспользовавшись уже готовой организационной формой государственного вмешательства, монополистический капитал сумел использовать ее в своих интересах. В результате из аппарата государственно-капиталистического регулирования производства Комитет по распределению железнодорожных заказов превратился в государственно-монополистический орган. Если синдикат рафинеров не нуждался в собственной продажной конторе, так как ее функции исполнял госаппарат, то в данном случае для госаппарата не было необходимости в создании организации по распределению заказов, так как эти функции целиком выполнялись указанными монополистическими объединениями. С Комитетом по распределению железнодорожных зака-

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 78.

⁵⁵ Там же, т. 25, стр. 331.

⁵⁶ Там же, т. 5, стр. 78.

зов было весьма сходно по своему характеру Совещание по судостроению, созданное царским правительством в 1908 г. На это совещание была возложена задача осуществлять распределение заказов на военные суда и определять условия их исполнения. Однако известная ограниченность прав совещания, в силу которой важнейшие вопросы распределения судостроительных заказов решались в Морском министерстве и Совете министров, привела к тому, что это совещание не заняло такого положения, как Комитет по распределению железнодорожных заказов. Поэтому наряду с борьбой за использование Совещания по судостроению монополистические объединения, господствовавшие в судостроительной промышленности, проявили большую активность в проникновении непосредственно в аппарат Морского министерства.

Большой интерес с точки зрения изучения развития государственно-монополистических тенденций представляет положение, существовавшее в отраслях русской промышленности, производивших артиллерийское вооружение, боеприпасы и различное военное снаряжение. Есть основание предполагать, что здесь роль, аналогичную роли Комитета по распределению железнодорожных заказов, могли в какой то мере выполнять учреждения Военного ведомства, ведавшие распределением заказов на артиллерийские орудия, снаряды и т. п. (Главное артиллерийское управление, Инженерное управление, Совет Петербургского военного округа).

Как показали ревизии сенаторов Гарина и Нейдгардта, обследовавшие в 1908—1911 гг. порядок выдачи учреждениями Военного ведомства подрядов частным фирмам на казенные поставки, распределение этих подрядов находилось по существу в руках ряда тайных монополистических объединений, которым удалось полностью устранить свободную конкуренцию на торгах⁵⁷. Роль учреждений Военного ведомства свелась к оформлению выдаваемых заказов. Данный пример свидетельствует о том, что монополии использовали в своих интересах не только органы, специально созданные для распределения казенных заказов, но и стремились к овладению отдельными звеньями госаппарата.

В годы предвоенного промышленного подъема наблюдается усиление процесса сращивания госаппарата и монополий. Это происходит, с одной стороны, в результате укрепления монополистического капитала в экономике страны, роста силы монополии, а, с другой стороны,— вследствие активизации подготовки царского самодержавия к войне, гонки вооружений и связанным с ней увеличением казенных заказов. В этих условиях разворачивается борьба между крупнейшими монополистическими группами за подчинение звеньев госаппарата, ведавших распределением военных заказов. В качестве примера можно привести борьбу группы Русско-Азиатского банка с группой Международного и Учетно-ссудного банков за получение судостроительных и артиллерийских заказов. Накануне войны группа Международного и Учетно-ссудного банков добилась преобладающего влияния на Морское министерство, а группа Русско-Азиатского банка на Главное артиллерийское управление Военного министерства.

Верховная морская следственная комиссия, учрежденная в 1917 г. Временным правительством обнаружила неопровержимые улики того, что товарищ морского министра адмирал Бубнов, в ведении которого находилась вся хозяйственная и техническая часть Морского министерства, являлся по существу платным агентом группы Международного и Учетно-ссудного банков. Влияние, которого достигла группа Международного и Учетно-ссудного банков на Морское министерство, позволяло

⁵⁷ См. об этом: Я. И. Лившин. К вопросу о военно-промышленных монополиях в России в начале XX в. «Вопросы истории», 1957, № 7; В. И. Бовыкин. Монополистические соглашения в русской военной промышленности. «История СССР», 1958, № 1; М. Я. Гефтер и П. В. Волобуев. Указ. выше публикация.

ей непосредственно использовать аппарат Министерства в своих интересах. Так, например, техническое бюро возникшего под эгидой Международного банка Русского судостроительного общества около года помещалось и работало в здании Главного управления кораблестроения Морского министерства. По просьбе банка служащие министерства разрабатывали проекты линейных кораблей для этого общества.

Уже в предвоенные годы Морское ведомство стало производить систематические закупки угля за границей для нужд частных судостроительных заводов. Морское министерство взяло на себя также функции снабжения этих заводов металлом. В результате еще накануне войны между Морским министерством и «Продаметой» установились весьма тесные взаимоотношения. Они были основаны на определенном разделении труда. «Кораблестроительный отдел Главного управления кораблестроения взял на себя заботу о составлении программ и изготовлении материалов для всех судостроительных заводов и о наблюдении за исполнением...», а на долю «Продаметы» выпало распределение заказов между своими контрагентами и определение их цены. Для распределения заказов Морского ведомства в «Продамете» был создан специальный отдел⁵⁸.

Так начиналось зарождение системы государственно-монополистических органов. Война значительно ускорила этот процесс.

СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Из особенностей боевого и материального обеспечения войн периода империализма вытекает необходимость проведения военно-экономической мобилизации тыла. С другой стороны, высокая концентрация производства, наличие монополистических объединений обеспечивают возможность проведения такой мобилизации. Поскольку же требования, предъявляемые войной к народному хозяйству, во много раз превышают возможности государственных военных заводов, становится неизбежным привлечение к работам на военные нужды частных предприятий самых различных отраслей промышленности. Так как государственный аппарат капиталистических стран не обладает специальными институтами по размещению многочисленных и разнообразных военных заказов и контролю за их исполнением, появляется необходимость установления прямого контакта с монополиями, обладающими таким аппаратом. В этом основа отмеченного В. И. Лениным скачка в области формирования государственно-монополистического капитализма, который произошел в годы первой мировой войны во всех воевавших странах.

По пути проведения военно-экономической мобилизации тыла должна была пойти и царская Россия. Однако начальный период войны характеризуется почти полным отсутствием специальных мероприятий, свидетельствующих о приступе к проведению военно-экономической мобилизации тыла, и лишь зимой 1915 г. правительство проводит первые мероприятия по регламентации топливоснабжения страны и по привлечению частных металлообрабатывающих предприятий к снарядному производству. Особенность этих мероприятий заключалась в использовании старых, привычных методов и форм правительственного регулирования.

Значительный недостаток каменного угля, со всей очевидностью обнаружившийся в начале 1915 г., был объяснен исключительно трудностями доставки по железным дорогам. Поэтому первые мероприятия по регламентации топливоснабжения страны пошли по линии организации системы разрешительных перевозок — метод, применявшийся правитель-

⁵⁸ Показания представителя Общества Путиловских заводов при Морском министерстве Шлезингера Верховной морской следственной комиссии. См. об этом подробнее: К. Ф. Шацкило. Финансовый капитал в морской судостроительной промышленности России (1910—1917 гг.), канд. дис., М., 1958.

ством с 1879 г. в случаях нехватки подвижного состава для вывоза Донецкого угля⁵⁹. Кризис вооружения русской армии был также воспринят прежде всего как кризис снабжения, и поэтому борьбу с недостатком артиллерийских выстрелов правящие круги царской России начали с создания в январе 1915 г. Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части во главе с вел. кн. Сергеем Михайловичем для «установления действительной связи между действующей армией и органами, ведающими изготовлением и снабжением предметами артиллерийского снабжения». Каких-либо полномочий по проведению мобилизации частной промышленности комиссия не получила и единственным мероприятием в этом направлении, осуществленным за время ее деятельности, было начало работы по созданию кооперации частных заводов для заготовления снарядов так называемого французского образца, известной под названием организации генерала С. Н. Ванкова. Однако стремительно нараставший кризис вооружения русской армии вызывал необходимость широкого привлечения частной промышленности к исполнению военных заказов и учреждения для этой цели специального органа, наделенного широкими полномочиями. Еще в самом начале января 1915 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли на закрытом заседании с участием руководителей крупных металлообрабатывающих предприятий обсудил вопрос о возможности усиления производства снарядов и представил в правительство докладную записку по этому вопросу. Совет предлагал раздать большие заказы на снаряды крупным металлообрабатывающим предприятиям с тем, чтобы они в свою очередь могли поручать изготовление отдельных частей более мелким заводам, причем последним должно было быть вменено в обязанность принимать такие заказы. Совет считал необходимым учредить особое совещание из правительственных чинов с участием представителей промышленных организаций, наделенное широкими полномочиями, в частности правом немедленного и окончательного решения по вопросам выдачи заказов и тех или иных изменений технических условий при изготовлении снарядов⁶⁰. Вскоре после этого к председателю Комиссии по артиллерийской части от правления Общества Путиловских заводов поступило конкретное предложение о налаживании производства снарядов на частных предприятиях. В случае согласия правительственных органов на такое предложение, правление Общества Путиловских заводов бралось изготовить в течение года 3 млн. снарядов⁶¹. Из сопоставления содержания записки Совета съездов и предложения правления Общества Путиловских заводов видно, что инициатором постановки этого вопроса был военно-промышленный концерн Русско-Азиатского банка, являвшийся к этому времени наряду с группой Ноблесснер Учетно-ссудного банка монополистом в деле снарядного производства. Цель обоих предложений заключалась, таким образом, в закреплении при помощи специально созданного правительственного учреждения монопольного положения крупнейших металлообрабатывающих концернов в области снарядного производства. Обращение правления Общества Путиловских заводов в Комиссию по артиллерийской части оказалось безрезультатным в силу ограниченности полномочий последней. Более чем сдержанно было встречено в Совете министров и предложение Совета съездов об учреждении Особого совещания для организации производства снарядов. Но в Ставке верховного главнокомандующего внимательно прислушивались к со-

⁵⁹ См. А. Л. Сидоров. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране. «Исторические записки», т. 26, стр. 48; Ег о же. К истории топливного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). Там же, т. 59, стр. 66—68 и др.

⁶⁰ К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности), М., 1958, стр. 42.

⁶¹ ААИМ, ф. 87, оп. 1, д. 7, лл. 36—38.

ветам представителей буржуазии. Вскоре после начала Галицийского наступления немецкой армии, в обстановке роста оппозиционности буржуазии, в Ставке состоялось совещание под председательством царя с участием верховного главнокомандующего, Родзянко, Вышнеградского, Путилова и Литвинова-Фалинского. Здесь 23 мая 1915 г. было принято решение о создании под председательством военного министра Особого совещания по усилению артиллерийским снабжением действующей армии. Учреждение и деятельность совещания по артснабжению подробно рассмотрены А. Л. Сидоровым. Он первым обратил внимание на специфику этого органа и его отличие от созданного в августе 1915 г. Особого совещания по обороне, указав на главенствующую роль в составе буржуазного крыла совещания по артснабжению незначительной группы крупнейших банковских и финансовых воротил — Путилова, Вышнеградского, Утина, Мещерского⁶². Проанализировав деятельность Особого совещания по артснабжению, А. Л. Сидоров пришел к выводу, что его создание было серьезной уступкой буржуазии, но вместе с тем являлось и определенным маневром со стороны правительства, которое вырвало инициативу из рук капиталистов, пытавшихся при посредстве военно-промышленных комитетов захватить безраздельное руководство экономической жизнью страны. Теперь на долю военно-промышленных комитетов остались лишь посреднические функции. К этому совершенно верно наблюдению А. Л. Сидорова нужно добавить, что создание совещания явилось реализацией упомянутого предложения Совета съездов, принятого по инициативе крупнейших военно-промышленных концернов во главе с Русско-Азиатским, Учетно-ссудным и Международным банками. Не случайно поэтому Путилов и Вышнеградский, руководители указанных банков и концернов, оказались в составе совещания по артснабжению.

После создания Особого совещания руководители крупнейших концернов металлообрабатывающей промышленности получили возможность реализовать предложение об организации промышленной группы во главе с правлением Общества Путиловских заводов для изготовления в течение года 3 млн. снарядов. В группу, образованную правлением Общества Путиловских заводов, вошло восемь крупных предприятий, пять из которых уже накануне войны входили в военно-промышленную группу Русско-Азиатского банка, составляя монополистическое объединение, ближе всего подходящее к типу концерна. Общество Коломенского машиностроительного завода (сфера финансирования Международного коммерческого банка), также входившее в вышеуказанную промышленную группу, являлось центром другого концерна — группы «Коломна-Сормово», объединявшего к 1915 г. пять крупных предприятий, которые тоже принимали участие в исполнении части заказа на 3 млн. снарядов⁶³. Сверх того, Обществом Коломенского завода был привлечен к изготовлению отдельных частей снарядов ряд крупнейших предприятий, не входивших в группу заводов «Коломна-Сормово».

Перед нами, таким образом, крупное и сложное по своей структуре монополистическое объединение, в основе которого лежал союз двух концернов с участием нескольких самостоятельных предприятий. Для управления деятельностью этого объединения был создан «Совет по делу заказа на 3 000 000 3-дюймовых гранатных патронов», периодически собиравшийся под председательством А. И. Путилова в помещении Русско-Азиатского банка. В плане дальнейшего изучения истории этого объединения приобретает особый интерес факт секвестра Путиловского за-

⁶² А. Л. Сидоров. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 годах, «Исторический журнал», 1944, № 10-11, стр. 49.

⁶³ ГИАМО, ф. 318, оп. 1, д. 2005, лл. 105—114; В. И. Бовыкин и К. Н. Тарновский. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 23—27.

вода и связанных с ним предприятий: после этого деятельность группы в целом не приостанавливалась, но в ее состав входили предприятия, находившиеся под управлением правительственных директоров.

Одновременно при Главном артиллерийском управлении начинается свою работу Организация уполномоченного ГАУ генерала Ванкова. Если инициатива создания Путиловской группы заводов всецело принадлежала верхушке крупных промышленных и банковских деятелей, то в данном случае на первый план выступает правительственная инициатива: организация была создана по прямому распоряжению Ставки верховного главнокомандующего ⁶⁴.

Предприятия, входившие в организацию (в 1916 г. их было около 300), по характеру своего производства объединялись в четыре группы с особым «головным» заводом в каждой из них. Вне этих групп остались завод т-ва Кольчугина и снаряжательный завод Второва в Москве. Для централизации технического контроля, руководства частными предприятиями и приемки готовой продукции Ванковым был создан разветвленный аппарат со штатом технологов, приемщиков и браковщиков, находящихся в распоряжении начальников районов организации. В 1916 г. таких районов было семь. Заключение договоров, сроки поставок, цены изделий и денежные расчеты находились в руках Ванкова. Главным методом привлечения частных предприятий к работе организации были высокие цены, обеспечивавшие собственникам металлообрабатывающих заведений получение невиданных в мирное время прибылей ⁶⁵. Ближайшая задача в изучении организации Ванкова — проследить ее непосредственную связь с капиталистическими монополиями. Здесь особый интерес представляют пока не изученные взаимоотношения организации с концерном Второва, в руках которого полностью находилась заключительная стадия производства — снаряжение гранат.

С производственной точки зрения организация генерала Ванкова, являвшаяся единственным поставщиком гранат французского образца для Военного ведомства, представляла собою капиталистическую кооперацию ряда предприятий, связанных единой технологией и общим техническим руководством. В этом отношении организация напоминала промышленную группу с правлением Общества Путиловских заводов во главе. Но если монополистические объединения типа концернов и трестов, лежавшие в основе Путиловской группы предприятий, возникли «естественным» путем в результате конкурентной борьбы и сращивания банковского капитала с промышленным, то закономерности возникновения организации Ванкова были иными и вытекали из особенностей военного времени. Широкое привлечение мелких предприятий к выполнению казенных заказов стало возможным вследствие временного смягчения в годы войны конкурентной борьбы в условиях громадного спроса на предметы боевого и материально-технического снабжения армии. С другой стороны, организация была создана без участия банков, на базе государственного финансирования. В этом смысле в противоположность концернам и трестам, возникшим в результате развития монополистического капитала, организацию Ванкова правильнее будет отнести к типу принудительных объединений, инициатива в создании и руководство деятельностью которых всецело принадлежала правительству. В то же время закономерности возникновения всей промышленной группы предприятий, возглавлявшейся правлением Общества Путиловских заводов, сходны с закономерностями возникновения организации Ванкова: на базе крупных казенных заказов и связанного с ними государственного финансирования

⁶⁴ «История организации Уполномоченного Главным Артиллерийским Управлением по изготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора С. Н. Ванкова», (на правах рукописи), М., 1918 (в дальнейшем — «История организации Ванкова»), стр. 8.

⁶⁵ «История организации Ванкова», стр. 282.

возник союз двух могущественных концернов, к работе которого были привлечены несколько самостоятельных предприятий. Таким образом, при всех различиях двух рассматриваемых объединений у них имелось и много общего. Во-первых, они работали «на казну»; во-вторых, в их финансировании важную роль занимали правительственные ссуды и авансы под заказы; в-третьих, приемка готовой продукции осуществлялась правительственными чиновниками, агентами Военного ведомства. В этом смысле оба объединения являются лишь различного вида объединениями одного типа, типа государственно-капиталистических монополий.

Появившиеся весной — летом 1915 г. государственно-капиталистические монополии не исчерпываются приведенными выше примерами. В частности, изготовление артиллерийских орудий было передано так называемой Царицынской группе заводов, представлявшей собою концерн частных предприятий (Сормово, Лессер и др.), находившихся в сфере влияния Международного и Учетного банков. Производство взрывчатых веществ было налажено правительственной организацией во главе с академиком Ипатьевым, напоминавшей по своей экономической сущности организацию Ванкова⁶⁶.

Стихийно развертывающийся процесс переключения частной промышленности на выполнение военных заказов перерастал узкие задачи, для выполнения которых было учреждено Особое совещание. Вместо органа по содействию мобилизации металлообрабатывающей промышленности необходимо было создать орган или систему органов по руководству всей военно-экономической мобилизацией тыла страны. К этому выводу правительство пришло через два месяца после начала работы Особого совещания по арснабжению, и в июле 1915 г. Военное министерство представило через Совет министров соответствующий проект в Государственную думу⁶⁷. С другой стороны, широкие слои буржуазии были недовольны составом буржуазного крыла созданного в мае Особого совещания. Одновременное действие двух указанных факторов привело к созданию в августе 1915 г. четырех особых совещаний. Особое совещание по обороне по своим задачам и полномочиям в наибольшей степени приближалось к органу, определявшему основные направления политики правительства по проведению военно-экономической мобилизации всего тыла страны. В нем было сосредоточено рассмотрение вопросов боевого снабжения, руководство заграничными поставками вооружения, сырья и оборудования, оно же определяло общие направления по проведению мобилизации всех отраслей промышленности. Кроме того, совещания по топливу, перевозкам и продовольствию, согласно положениям, обязаны были срочно сообщать все свои постановления военному министру, которому, «как председателю Особого совещания по обороне», предоставлялось право «собственной властью приостанавливать все распоряжения» председателей других совещаний. Представители крупнейших монополистических организаций металлообрабатывающей промышленности утратили свое исключительное положение в Особом совещании по обороне и были заменены представителями от Государственной думы, Государственного совета, Центрального военно-промышленного комитета и т. д., отражавшими интересы более широких кругов российской буржуазии. Представители министерств и ведомств в Особом совещании преобладали, а право решающего голоса имел только председатель совещания — военный министр. Таким образом, с созданием системы особых совещаний правительство окончательно закрепило за собой решающую роль в деле организации военной экономики. Однако представители буржуазии непосредственно участвовали

⁶⁶ Краткий отчет о деятельности организации Ипатьева опубликован: «Химический комитет при Главном Артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности», Пг., 1919.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 1132, л. 7 и сл.; д. 1140, л. 6 и сл.

в решении главнейших вопросов экономической политики военного времени и боевого снабжения армии, а Особое совещание занимало независимое положение в системе государственного аппарата: согласно Положения «никакое место или лицо» не имело права «требовать от совещания отчетов и давать ему предписания».

В середине 1916 г., воспользовавшись ослаблением оппозиционности буржуазии, царское правительство переходит в наступление, стремясь свести на нет те уступки в экономической и политической области, которые были сделаны буржуазии за год перед этим. 3 июля 1916 г. царь утвердил Особый журнал Совета министров, согласно которому на его председателя была возложена координация деятельности председателей особых совещаний⁶⁸. Так появился высший надведомственный орган — «Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». С независимым положением Особого совещания по обороне было покончено. Все вопросы стали решаться председателем Совета министров без участия представителей буржуазии, а зачастую и вопреки постановлениям особых совещаний. Полное политическое преобладание бюрократии и помещиков в руководстве военной экономикой страны стало вполне очевидным.

Но отсюда нельзя делать вывод об ослаблении или даже приостановке процессов сращивания различных звеньев государственного аппарата с капиталистическими монополиями. Наоборот, — и в этом сущность следующего этапа в формировании государственно-монополистического капитализма, — эти процессы усиливаются, идут вширь и вглубь, захватывая различные звенья государственного аппарата и ведут к возникновению государственно-монополистических органов по непосредственному регулированию различных отраслей промышленности. Наиболее значительным из них был Комитет по делам металлургической промышленности при Особом совещании по обороне. История его в настоящее время разработана довольно полно⁶⁹, и для выяснения закономерностей возникновения и развития государственно-монополистических институтов достаточно рассмотреть взаимоотношения комитета лишь с одной монополией — синдикатом «Продамета», игравшим решающую роль в деятельности комитета в области нормировки и распределения заказов на железо и сталь.

Начало 1915 г. ознаменовалось значительным сокращением производства и резким ростом заказов на металл различных видов. Искусственное сокращение производства «Продаметой» накануне войны заменилось его естественным сокращением. Принципиально изменился и характер спроса. К весне 1915 г. казенный спрос стал явно преобладать над частным, причем на изделия «нормального» сортамента мирного времени заказы шли через общество «Продамета», а заказы на металл военного назначения поступали прямо на заводы, минуя общество. Поскольку военные заказы обычно были значительно выгоднее, с весны 1915 г. участились случаи отказа со стороны контрагентов принимать к исполнению заказы на изделия «нормального» сортамента, передаваемые обществом на заводы⁷⁰. Это сильно подрывало господство «Продаметы» на железном рынке и ослабляло ее влияние на контрагентов, поскольку последние не были связаны с обществом специальными договорами на поставку сортов металлов нового, военного спроса. Дальнейшее увеличение военных заказов могло, таким образом, низвести «Продамету» на положение второстепенной организации и даже поставить под сомнение существование синдиката. Это стало ясным на заседании Совета общества 22 апреля 1915 г., когда директор Таганрогского общества А. Нев высказался против продления на прежних основаниях существующих договоров с

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, комплект Особых журналов Совета министров, № 5627.

⁶⁹ См. К. Н. Тарновский. Указ. соч., гл. II—III.

⁷⁰ ГИАЛО, ф. 1424, оп. 1, д. 120, л. 1—1об.

«Продаметой». Поскольку почти вся производительность заводов использовалась «для надобностей государственной обороны», а частные заказы «изготавливаются только по мере возможности», Нев приходил к выводу, что общество «Продамета» является в настоящее время бесполезной организацией. С другой стороны, возрастание казенного спроса на металл при уменьшении его производства делало ненужным строгое соблюдение квот, а штрафы за соответствующие нарушения, которые налагались «Продаметой» в точном соответствии с параграфами контрагентских договоров, вызывали резкое недовольство со стороны контрагентов ⁷¹.

Таким образом, ставились под сомнение целесообразность выработанных «Продаметой» до войны как общих методов обеспечения максимальной прибыли путем прямого сокращения или сдерживания производства предприятий контрагентов синдиката, так и сохранение заключенных в мирное время контрагентских договоров. Очевидной стала необходимость известной трансформации функций синдиката. В этих условиях правление «Продаметы» предпринимает ряд мер в интересах упрочения положения синдиката. Они шли в направлении отказа от политики количественного ограничения производства, с одной стороны, и сосредоточения в своих руках распределения казенных заказов, с другой. Еще в период резкого сокращения поступления заказов, в начале войны, Совет общества принял постановление об отмене долей участия: объем заказов все равно был меньше, чем размер установленных квот. Теперь это постановление было подтверждено, но смысл его приобрел прямо противоположное значение: заводы получают заказы не в зависимости от долей, предусмотренных договорами, а в том размере, в каком они в состоянии их исполнить ⁷², — иными словами, соблюдение квот становилось необязательным, поскольку спрос на металл был значительно больше, чем могли дать заводы. Что же касается сосредоточения в руках синдиката распределения казенных заказов, то без согласия государственного аппарата этого достигнуть было невозможно, и 22 июня 1915 г. управление «Продаметы» направляет в различные ведомства специальную записку. «Наилучшим способом» для «наиболее рационального распределения заказов на заводах», утверждали авторы записки, было бы «обращение к содействию уже существующей организации, каковой является, например, Об-во «Продамета»... Будучи, с одной стороны, вполне ознакомленной с нуждами страны и, с другой, с способностью производства заводов, «Продамета» могла бы при распределении заказов руководствоваться указаниями правительства (армии, флота и железных дорог), извлекая при этом наибольшую пользу из производительности заводов ⁷³».

Таким образом, изменившиеся в связи с войной условия производства, характер спроса и непосредственная угроза ослабления синдиката привели руководителей «Продаметы» к выводу о необходимости тесного сближения, слияния организации с государственным аппаратом в целях наделения синдиката функциями государственно-капиталистической монополии. Тем самым синдикат рассчитывал обеспечить себе решающее влияние на установление цен на изделия. Так к середине 1915 г. вполне определенно проявилось первое течение к государственно-монополистическому регулированию металлургической промышленности со стороны капиталистических монополий.

Встречное течение к государственно-монополистическому регулированию со стороны государственного аппарата проявилось несколько позже, в конце 1915 г., после того, как сплошная мобилизация металлообрабатывающей промышленности выявила нехватку металла для исполнения многочисленных военных заказов. Попытка Центрального военно-про-

⁷¹ ГИАРО, ф. 563, оп. 1, д. 232, лл. 1—10.

⁷² Сб. док. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1957, док. № 9, стр. 49.

⁷³ ААИМ, ф. 87, оп. 1, д. 175, лл. 4об.—5.

мышленного комитета произвести работу по отбору ведомственных заказов и выделению из них самых необходимых силами созданного при нем в августе 1915 г. Бюро по распределению металлов закончилось неудачей. Это было вызвано бойкотом со стороны металлургических предприятий и полным невниманием к деятельности Бюро ведомств-заказчиков. Для осуществления государственного регулирования работы металлургической промышленности в конце 1915 г. при Особом совещании по обороне, на базе Бюро по распределению металлов Центрального военно-промышленного комитета, учреждается Комитет по делам металлургической промышленности.

С точки зрения государственно-монополистического регулирования металлургической промышленности и связанного с этим сращивания с монополистическими организациями, в деятельности Металлургического комитета намечаются три периода. В первом периоде (январь — август 1916 г.) комитет постепенно переходит от чисто посреднической деятельности по размещению заказов на металл к регулированию его распределения. Для этого комитет привлекал к своим работам учетно-распределительные аппараты монополий металлургической промышленности, что повлекло за собой необходимость централизованного установления высших предельных цен на металлы. Ведущая роль в выработке цен принадлежала представителям монополий. Во втором периоде (август — декабрь 1916 г.) налаживается и осуществляется (с октября) централизованное распределение всего производимого в стране металла. Дальнейшее расширение государственно-монополистических отношений выразилось в установлении непосредственных контактов основных ведомств-заказчиков с монополистическими объединениями, а это привело к поддержке ведомствами всех требований монополий, «Продаметы» прежде всего. С другой стороны, полная загрузка предприятий казенными заказами, отказ от политики преднамеренного ограничения производства и установления продажных цен на металлы Комитетом изменили отношение синдиката к вмешательству агентов правительства в вопросы производства и распределения продукции металлургических заводов. Когда прямое сокращение или сдерживание производства являлось главным методом взвинчивания цен на металлы руководители синдиката очень ревниво относились к различного рода ревизиям и проверкам. Теперь эти опасения отпадали, и представитель Главного уполномоченного по снабжению металлами (он же председатель Комитета по делам металлургической промышленности) совместно с представителями различных ведомств довольно широко вмешивались в чисто производственные вопросы, отбирая заказы на металл и устанавливая очередность прокатки и отправки изделий металлургических заводов. В свою очередь общество «Продамета» отказывалось принимать к размещению между предприятиями заказы без специальных, выдаваемых ведомствами удостоверений о том, что данный заказ предназначен «для нужд обороны». Так частное общество для продажи изделий русских металлургических заводов стало государственно-капиталистической монополией и это закрепило за ним ключевое положение на железном рынке в годы войны и решающее влияние при определении высоты продажных цен на изделия из железа и стали. В результате, по сравнению с довоенным временем прибыли металлургических предприятий возросли в 10, 15 и более раз⁷⁴. Металлургический комитет знал об этом, но тем не менее санкционировал и оберегал скандально высокие прибыли монополистов. «Капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками), — писал В. И. Ленин, — есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*»⁷⁵. С декабря 1916 г. начинается третий этап в деятельности комитета, связанный с вмешательством в регулирование метал-

⁷⁴ К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 83—100.

⁷⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 315

лургического производства: комитет делает попытку организовать централизованное снабжение металлургических заводов топливом и сырьем. Однако вследствие наступившей к этому времени транспортной разрухи проект комитета оказался невыполнимым.

Таким образом, без содействия аппарата капиталистических монополий, Комитет не сумел справиться с более или менее планомерным размещением многочисленных ведомственных заказов на металл; с другой стороны, монополистические организации пошли на союз, на слияние с правительственным органом в интересах упрочения собственного положения, в интересах закрепления за собой решающего влияния при определении высоты продажных цен и в интересах обеспечения более или менее сносных условий деятельности металлургической промышленности (внеочередных поставок сырья, обеспечения рабочей силой и т. д.). Монополистические организации в конечном счете и определяли все направления деятельности Металлургического комитета, и чем дальше, тем больше ставили в прямую зависимость от себя не только комитет, но и другие звенья правительственного аппарата, прежде всего — заказывающие ведомства (главные управления Военного министерства, а также министерства Морское и Путей сообщения). Так к началу 1917 г. завершилось окончательное оформление государственно-монополистической организации по регулированию металлургической промышленности, представлявшей собой союз военно-бюрократической верхушки с руководителями монополистических организаций, причем последним принадлежала руководящая роль в этом союзе.

Таковы некоторые объективные закономерности возникновения и развития государственно-монополистической организации по регулированию металлургической промышленности. С теми или иными изменениями эти же закономерности прослеживаются и при изучении взаимоотношений комитета с обществом «Кровля» и синдикатом медно-прокатных заводов, и, следовательно, разобранный нами случай является более или менее типичным. Необходимо под этим углом зрения исследовать деятельность других институтов по непосредственному регулированию отдельных отраслей промышленности. Таковы, например, организация регулирования производства различных видов проволоки, черной и цветной, организация регулирования каменноугольной и нефтяной промышленности в рамках Особого совещания по топливу и т. д.

Каковы же были итоги государственно-монополистического регулирования военной экономики России? Как известно, это регулирование привело к развалу, параличу всей хозяйственной жизни и общему кризису экономики России. Это определялось, с одной стороны, противоречием между уровнем развития производительных сил отсталой России и теми требованиями, которые предъявлял фронт к работе тыла, а с другой стороны, — несоответствием производственных отношений характеру производительных сил. Регулирующие органы царского правительства видели свою главную задачу в том, чтобы всемерно сократить производство изделий, шедших на нужды тыла и увеличить за счет этого выпуск продукции для удовлетворения чисто военных потребностей. Деятельность регулирующих органов основывалась на стихийно развернувшейся перестройке всех отраслей военной промышленности для выполнения военных заказов, обеспечивающих получение огромных прибылей, и способствовала обострению анархичности капиталистического способа производства, содействовала глубокому упадку ряда отраслей народного хозяйства (прежде всего транспорта), которые не были непосредственно связаны с работой на войну, но без нормальной деятельности которых немислимо даже простое воспроизводство. Развертывание военного производства происходило, таким образом, за счет всего народного хозяйства, за счет ограбления широких народных масс. В результате, к 1917 г. капиталистическое хозяйство России не могло

обеспечить даже простого воспроизводства, и война стала вестись за счет беспощадного расхищения основного капитала промышленности и транспорта. Это должно было привести и привело к разорению всего народного хозяйства царской России. На этой основе в стране разворачивался доходящий до голода продовольственный кризис, с катастрофической быстротой росла безработица, стремительно нарастал революционный кризис.

Свержение самодержавия не приостановило роста хозяйственной разрухи, ибо сохранились две важнейших причины, ее породившие: капиталистический способ производства и война. Таким образом, чтобы покончить с разрухой нужно было ликвидировать войну и организовать производство не в интересах кучки финансовых магнатов, а в интересах всего общества, в интересах рабочих и беднейших крестьян. Для этого нужна была социалистическая революция. Материальные предпосылки для ее победы достаточно созрели.

Особенностью России в период домонополистического капитализма являлось существование разветвленного государственно-капиталистического хозяйства и широкое государственное вмешательство в хозяйственную жизнь.

Еще в домонополистический период отношения между государственным аппаратом и крупным капиталом складывались в формы, предвосхищавшие формы проявления государственно-монополистического капитализма.

В России, как и в других основных капиталистических странах, государственно-монополистический капитализм как система сформировался в годы первой мировой войны. Но складывание его началось раньше, чем в других странах, с начала вступления России в период империализма.

Период империализма в России характеризуется, во-первых, быстрыми темпами и высоким уровнем монополизации промышленности, транспорта и банков, созданием мощных промышленных и банковских монополий и выделением в составе крупной буржуазии влиятельной финансовой олигархии; во-вторых, естественным поворотом экономической политики царского правительства, с ее методами государственного вмешательства, от «насаждения капитализма» к последовательной поддержке монополистического капитала. Сложившиеся еще в домонополистический период формы государственного вмешательства в условиях господства монополистического капитала со свойственным ему активным стремлением к использованию госаппарата в своих интересах, начинают быстро наполняться государственно-монополистическим содержанием.

С первых же шагов формирующиеся промышленные монополии были активно поддержаны правительством.

В довоенный период, с развитием и укреплением монополистического капитала, можно констатировать ряд существенных проявлений государственно-монополистического капитализма в России. Государственный спрос поглощал значительную часть продукции ряда монополизированных отраслей в мирное время. Государственные заказы, поставки и подряды ведомствам из поддержки отдельных привилегированных предприятий стали привилегией монополистических объединений, были ими монополизированы. Предприятия, перешедшие во время кризиса к государству, были переданы монополиям. Слияние крупных банков происходило при деятельном участии правительства. Правительство активно поддерживало финансирование промышленных монополий крупнейшими банками, предоставило в их распоряжение огромные средства, в плане «борьбы» с еще не наступившим кризисом, поддерживало в 1912—1913 гг.

торможение производства монополиями и проводило широкую биржевую интервенцию. В интересах монополистического капитала государство брало на себя те задачи, в которых крупные банки не усматривали достаточных коммерческих выгод, например, организацию банков за границей.

Широкое сращивание госаппарата с аппаратом монополий выразилось в их взаимопроникновении, в переходе крупных чиновников в управление и на службу монополиям, в обратном возвращении их в госаппарат, в выдвижении крупных чиновников в состав русской финансовой олигархии. В конечном счете создавалась прямая заинтересованность верхов правящей бюрократии в «процветании» монополистического капитала.

В предвоенные годы монополии заняли ключевые позиции в экономике страны и получили возможность не только полностью использовать совпадавшие с их интересами стороны государственной экономической политики, но и вынуждали правительство выходить в их поддержку за пределы своих намерений и даже идти на обогащение монополий за счет государственных средств вне какой бы то ни было связи с политикой правительства.

В конечном счете все это приводило к огромному дополнительному ограблению трудящихся монополиями с помощью государства или путем перераспределения через его каналы народного дохода. Своеобразие классовой расстановки сил в России в период империализма заключалось в сохранении политической власти крепостников-помещиков, тогда как ключевые позиции в экономике страны заняла монополистическая буржуазия. Самодержавие могло управлять страной лишь опираясь на нее. Без поддержки буржуазии невозможно было дальнейшее сохранение политической власти помещиков-крепостников и их экономических привилегий. Монополистическая буржуазия шла на союз с помещиками, так как она смертельно боялась революции и видела в самодержавии своего единственного защитника, и, сверх того, самодержавие многообразными способами предоставляло монополиям дополнительные возможности ограбления широчайших народных масс.

Противоречия между обоими господствующими классами в период империализма давали бюрократии немалые возможности маневрировать, т. е. осуществлять своеобразный бонапартизм во всей экономической политике — не только по линии аграрной, но также и в области промышленно-торговой и финансово-кредитной политики. Однако, отражая маневрирование правительства между дворянством и буржуазией, бонапартизм в условиях империализма, в сфере непосредственного господства монополистического капитала давал сильный крен в сторону интересов монополий, а в аграрной политике — в сторону интересов помещиков при сохранении у последних политической власти.

В странах, где крупная буржуазия находилась у власти, достижение монополиями экономического господства влекло за собой их политическое господство. Но монополиям приходилось поворачивать государственный аппарат от незначительного в домонополистический период к всеохватывающему вмешательству в экономическую жизнь страны, от ничтожного к широкому государственно-капиталистическому хозяйству. Русский монополистический капитал уже при своем зарождении застал самое широкое тогда в капиталистическом мире государственное хозяйство — давно сложившуюся систему государственного вмешательства в пользу крупного капитала, которую оставалось только поставить на службу монополиям, — и, наконец, полную готовность к этому правящей бюрократии. Но отсутствие у монополий политической власти весьма суживало их возможности «диктовать» свою волю и «подчинять» себе госаппарат и вынуждало их в значительной мере довольствоваться обогащением из рук бюрократии. И в этом заключалась

слабость государственно-монополистического капитализма в России. Стремление бюрократии не выпускать из своих рук экономических органов госаппарата, а также необходимость известного ее маневрирования под давлением помещиков, ослабляли эффективность государственно-монополистического капитализма. Эта сторона сильнее всего проявилась в годы войны.

Необходимость военно-экономической мобилизации тыла в условиях первой мировой войны привела к созданию в России системы государственно-монополистического капитализма. В своем законченном виде она включала: а) государственно-капиталистические монополии, представлявшие собою или межотраслевые капиталистические объединения, построенные на принципах вертикального комбинирования и горизонтального кооперирования, или объединения синдикатского типа; б) государственно-монополистические институты по непосредственному регулированию производства, которыми являлись специально созданные отраслевые комитеты при особых совещаниях или исполнительные органы отдельных ведомств; в) систему особых совещаний с Особым совещанием по обороне во главе, которые определяли общие направления военно-экономической политики самодержавия.

Система государственно-монополистического капитализма формировалась стихийно, под давлением чрезвычайных обстоятельств военного времени. В ее развитии мы можем выделить следующие этапы. Весной — летом 1915 г. была признана решающая роль частной промышленности в развитии военного производства, и именно в это время создаются первые государственно-капиталистические монополии. К осени 1915 г. явилась необходимость в создании органов по общему руководству проведением военно-экономической мобилизации тыла. С распространением мобилизации на остальные отрасли промышленности, возникают органы по непосредственному регулированию деятельности отдельных отраслей промышленности, в свою очередь опирающиеся на государственно-капиталистические монополии.

Преобладание представителей бюрократии и помещиков в надстроженных органах по проведению военно-экономической мобилизации тыла — особых совещаниях — являлось особенностью российского государственно-монополистического капитализма, отражавшей политическое соотношение сил в рамках, по определению В. И. Ленина, теснейшего союза горстки крепостников-помещиков с магнатами финансового капитала⁷⁶. Но подчиненное политическое положение буржуазии в этом союзе нельзя распространять на область экономических отношений между государственным аппаратом царизма и капиталистическими монополиями. Буржуазия «давно *правит* нашей страной экономически», — указывал В. И. Ленин в марте 1917 г.⁷⁷ Она «правила» и в органах по непосредственному регулированию деятельности отдельных отраслей промышленности, возникших на базе сращивания государственного аппарата с капиталистическими монополиями.

«Основные формы общественного хозяйства, — писал В. И. Ленин, — в России те же, как и в любой капиталистической стране»⁷⁸. Это положение полностью применимо и в отношении государственно-монополистических органов по непосредственному регулированию военного производства: с точки зрения организационно-управленческих форм между российскими государственно-монополистическими институтами и аналогичными институтами других стран, созданными в годы первой мировой войны, принципиальных различий не имелось, и в этом плане нельзя говорить о какой-либо

⁷⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 111.

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 297.

⁷⁸ Там же, т. 30, стр. 88.

слабости, недоразвитости российского государственно-монополистического капитализма по сравнению с другими странами.

Возникновение органов по непосредственному государственно-монополистическому регулированию не было результатом подчинения государственного аппарата капиталистическим монополиям, а явилось выражением взаимной заинтересованности сращивающихся сторон. В ходе развития этих органов во всей полноте определилась решающая роль капиталистических монополий в вопросах регулирования военного производства, и с полной определенностью проявилось подчинение этих органов интересам капиталистических монополий. Поскольку в военные годы внутри правящей военно-бюрократической верхушки, не выпускавшей основных рычагов экономической политики из своих рук, имелись противоречия и шла борьба по вопросам общей политики в отношении монополий, это сращивание и подчинение вплоть до свержения царизма не приобрело законченного характера: с одной стороны, область активного воздействия монополий на правительственный аппарат ограничивалась вопросами военно-экономической мобилизации тыла, с другой стороны, процесс сращивания и подчинения распространялся лишь на отдельные звенья государственного аппарата. В ряде случаев правящая верхушка, опасаясь политического усиления буржуазии, пыталась организовать регулирование без капиталистических монополий, стремилась оставить за собою последнее слово при решении хозяйственных вопросов. Однако формирование государственно-монополистического капитализма было объективным процессом, вытекавшим из самой сущности монополистического капитализма, а война и в данном случае явилась «всесильным „режиссером“», «могучим ускорителем»⁷⁹. В результате именно в 1916 г., в момент обострения разногласий между царизмом и буржуазией, особенно остро проявившихся в курсе правительства по отношению к военно-промышленным комитетам и земскому и городскому союзам, процессы сращивания государственного аппарата царизма с капиталистическими монополиями шли особенно интенсивно и вопреки антимонополистическим декларациям небольшой группы лиц, тесно связанных с придворной камарильей, захватывали все новые и новые звенья государственного аппарата. «Этот новый класс «почти совсем» был уже *у* власти в 1917 году», — писал В. И. Ленин о буржуазии, которая в годы войны «чрезвычайно быстро организовалась политически»⁸⁰.

Формирование государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны создало необходимые предпосылки для проведения социалистических преобразований в области экономики после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Эта работа проводилась под непосредственным руководством В. И. Ленина и вытекала из его положения о том, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма», что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»⁸¹. В. И. Ленин провел четкое разграничение между преимущественно «угнетательским» государственным аппаратом, который пролетариат должен был разбить и заменить своим, новым аппаратом, и аппаратом, особенно тесно связанным с синдикатами и банками, которого «разбивать нельзя и не надо», поскольку он выполняет массу учетно-регистрационной работы. Этот аппарат, писал В. И. Ленин, надо «вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсесть, отрубить* капиталистов с их нитями

⁷⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 293.

⁸⁰ Там же, стр. 297.

⁸¹ Там же, т. 25, стр. 333, 332.

влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным»⁸².

К судьбе военно-регулирующих органов, созданных царским и Временным правительствами, Советское государство как раз и подошло с точки зрения марксистско-ленинского учения о необходимости слома буржуазной государственной машины, с одной стороны, и об использовании старых форм при построении нового — с другой. После победы Великой Октябрьской социалистической революции функции Особого совещания по обороне были сначала сведены до вопросов, связанных с финансированием промышленности, а вскоре после этого оно было упразднено совершенно; что же касается комитета по делам металлургической промышленности (Расмеко) и учетно-распределительных аппаратов монополий «Продамета» и «Кровля», включенных в Металлургический комитет, то они были национализированы, переданы в распоряжение ВСНХ и при использовании их аппарата потом был организован единый орган по регулированию металлургической промышленности «Продрасмет». Особое совещание по топливу, как таковое, было упразднено, но его служебный аппарат в центре и на местах был передан отделу топлива ВСНХ⁸³.

Не были разрушены и государственно-капиталистические монополии типа концернов и трестов: при проведении национализации промышленности они послужили исходной базой для организации первых советских трестов («Сормово-Коломна» и др.). Так от буржуазно-бюрократических государственных учреждений, определявших основные направления экономической политики царского и Временного правительств, «отсеклись» органы по непосредственному регулированию деятельности отдельных отраслей промышленности.

В условиях диктатуры пролетариата эти учетно-распределительные институты, поставленные на службу всего народа, были использованы при создании первых социалистических органов по управлению народным хозяйством.

⁸² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 81; см. также стр. 77—78, 86.

⁸³ См. А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР, т. 1, Л., 1957, стр. 256, 278—279, 297—300, 429.

